Эдуард Мельников

Четвертое измерение

Заметки об американском образе жизни

«И понимаешь, что совсем не из Америки ты вернулся,
а из какого-то четвертого измерения,
которое живет в каждом из нас
и никак не может стать реальностью».

Прожив в США несколько дней, можно составить определенное мнение об Америке и американцах. На второй неделе начинаешь терять уверенность в том, что хорошо понимаешь происходящее вокруг. Прожив, как я, больше месяца, твердо убеждаешься в справедливости изречения: «Всякое мнение об Америке ошибочно». Но если сумеешь отделаться от советской привычки ко всему цеплять бирочки и делать окончательные выводы – может, ты откроешь для себя Америку…

Стажировка по программе Международного Центра для журналистов в Вашингтоне включала в себя лекции и тренинги американских издателей, менеджеров, юристов, сотрудников ведущих американских газет. Затем каждый из нашей группы белорусских журналистов «получил» свой штат, куда и отправился на двухнедельную практику в типичную американскую газету. Мне «достался» Висконсин, в получасе лета на север от Чикаго, у Великих американских озер. Столица – город Медисон.

После стажировки собрались в Нью-Йорке, откуда наша группа отбыла домой. О том, что видел и слышал, и постараюсь рассказать в этих заметках. Конечно, мой «американский» опыт весьма ограничен. Однако в главном я убежден твердо: постоянными в Америке могут быть только перемены.

Первые впечатления

Первое, самое сильное впечатление получаешь не там, за океаном, а… здесь, когда вернешься. Как с небес на землю. И в буквальном, и в переносном смысле. «*Там*» все казалось нормальным, каким и должно быть. Ну, интересно там многое - быт, привычки, уклад жизни. Ну, решают они свои проблемы, живут своей, непохожей на нашу, жизнью. Только и всего.

А вот когда вернешься, приземлишься… Уже в аэропорту нахлынет. Смесь

какого-то острого сожаления, тоски и недоумения. В чем дело, понять не можешь. Ничего ведь не произошло! Но с каждым днем это ощущение усиливается до какого-то предела, а потом гаснет, слабеет. Спрашиваю у коллег, которые были со мной в этой поездке: «А у вас как?». То же самое.

Потом приходит время удивляться другому. Конечно, все интересуются: «Ну, как они там, американцы?». Но это то же самое, что принять всерьез вопрос: «Как жизнь, приятель?». Начинаешь рассказывать, готовясь угостить интересными фактами друзей, родственников. Но на второй минуте слышишь: «Ладно, ты лучше скажи, сколько они там зарабатывают». Пытаешься объяснить, что все эти материальности – только следствие другого образа жизни, отношения к ней… И далеко не все живут так уж богато, но живут совсем по-другому.

В ответ – тусклый взгляд и реплика: «Ну ты… там нахватался».

Не интересует. Не нужно. Убедившись в этом окончательно, ты начинаешь кое-что понимать.

Америка далеко не потому, что она за океаном, на другом конце света. Она еще дальше. В общем, ее и не существует вовсе. Несмотря на всю эту информационную круговерть вокруг нас, ни черта мы не знаем, что происходит в этой Америке (да и в других странах). Не знаем мы и того, что у нас происходит на самом деле. И не хотим знать. Потому что это беспокоит. Мешает жить. Помещает внутри тебя какую-то острую иглу.

А кому нужна лишняя заноза?

И тут обратным светом освещается все, что ты видел и узнал *там*. И понимаешь, что совсем не из Америки ты вернулся, а из какого-то четвертого измерения, которое живет в каждом из нас и никак не может стать реальностью.

Ладно, реальность все же была, и на первых порах пребывания на чужой земле ты превращаешься в зеваку, который всеми органами чувств поглощает впечатления. При этом все твои прежние представления, вызываемые звукосочетаниями: «Америка», «Вашингтон», «Нью-Йорк», «Бродвей» и т.п. тают и превращаются в дым, уступают место личному опыту. Вашингтон, против ожидания, оказался довольно спокойным, уютным городом, чем-то похожим на Минск. Он и не большой вовсе: меньше миллиона жителей, в основном все живут в пригородах. В кварталах, где располагаются правительственные министерства и ведомства, где Белый Дом, Конгресс – все чинно, сдержанно. На улицах много джентльменов в хороших костюмах и при галстуках: правительственные чиновники. Здания невысокие (в Вашингтоне запрещено строить что-либо выше Конгресса), строгие, выдержаны в приглушенных серых или коричневатых тонах. Через несколько кварталов – офисы компаний, банки, отели, магазины. Там посверкивает стекло, бросаются в глаза архитектурные изыски. А отойдешь километр, другой – спокойные, совсем тихие улицы, дома, увитые плющом, с крохотными палисадниками. И Нью-Йорк не показался мне шумным, удушающим городом. Во всяком случае, Манхэттен, его центральная часть, где мы жили. И Бродвей, хоть и сверкает

огнями, хоть и текут по его тротуарам нескончаемые потоки людей – довольно гостеприимная улица, где всегда найдешь уютный, тихий уголок. Вся же остальная Америка – действительно «одноэтажная», как справедливо заметили в свое время И.Ильф и Е.Петров. Ну, не одно-, так двух-трехэтажная. В каждом крупном городе есть свой административный и торгово-банковский центр, «Сити» - несколько высотных зданий, группирующихся на одном пятачке. Весь же остальной город - все тот же «частный сектор» - коттеджи, коттеджи. Они тянутся непрерывной полосой, изредка прерываясь островками леса, парками, заливами, автострадами. Такие застройки тянутся непрерывно, на сотни километров по всему Восточному побережью. Абсолютное большинство коттеджей может показаться совсем скромными, не чета «ондатровым деревням», что выстроены у нас вокруг каждого города. В большинстве своем они… деревянные, отделанные деревянными дощечками, знакомыми по стольким фильмам. Кирпичных особняков намного меньше: они слишком дороги.

В этой жилищно-природной среде хорошо уживаются люди и звери. В центре Вашингтона, во всех парках прыгают и радуют прохожих белочки. Серенькие и черные, они носятся по дорожкам, выпрашивают угощение. Сидят даже на каких-то гудящих электронных устройствах, окружающих лужайку Белого Дома. Над рекой Потомак, на берегах которой расположилась столица Соединенных Штатов, планируют стаи канадских казарок – больших, тяжелых птиц, сродни гусям. Они спокойно пасутся посреди города, например, возле мемориала Авраама Линкольна, но к людям подходить остерегаются. В провинции нередко можно увидеть пасущихся на полях диких коз, оленей. Стадо козочек как-то перешло дорогу прямо перед капотом нашей машины, и было это… в Джорджтауне, одном из аристократических районов Вашингтона. Маневрируя между сразу замершими автомобилями, животные спокойно пробирались к недалекому парку.

Эти детали хорошо отражают обстановку как в крупных городах, как в столицах штатов, так и в небольших поселках. Наслышанный (или напичканный?) сведениями о бешеных ритмах американской жизни, я в реальности этого бешенства не заметил нигде. Никто никуда не торопится и никого не подгоняет. Например, как водитель с многолетним стажем, я обращал внимание на манеру вождения в Америке. Трогаются спокойно, трижды осмотревшись. Ведут машину плавно, размеренно, без разгонов и торможений. О том, чтобы резко перестроиться и обойти другую машину, нет и речи. Если кому-то захотелось высадить пассажира (даже на повороте, где ему удобнее), все останавливаются и ждут. Пассажир рассчитывается, ему достают из багажника вещи, он, не торопясь, отходит. Все терпеливо ждут. Ни раздражения, ни гудков. Никто никуда не спешит. И это на Бродвее, в центре Нью-Йорка!

С автомобилями связана еще одна любопытная деталь. Их регистрационные номера разукрашены картинками и различными поучительными надписями.

Заметив это, я стал их коллекционировать. Например, номера штата Вирджиния разукрашены цветущими ветками, на которых сидит птичка, и напоминанием о том, что в 2007 году Вирджинии как территории исполняется 400 лет. А еще вирджинцы изображают маяк и сопровождают эту картинку нравоучительной надписью о том, что надо хранить яркий свет. Вашингтонцы сплошь и рядом напоминают о дискриминации по отношению к ним: в Конгрессе США нет представителей от столицы. Поэтому они и пишут на своих номерах: «Налогооблагаемые, но не представленные». Мичиганцы напоминают, что их штат – край Великих озер. Висконсин – «Молочная страна», здесь делают знаменитые сыры, рецепты которых привезли выходцы из Швейцарии. Огайо – «Исконная Америка», Нью-Йорк – «Имперский штат», Нью –Джерси – «Штат садов, садовый штат». «Звезды падают на Алабаму» - строчку из популярного хита полувековой давности читаем на номерах машин из этого южного штата. Автовладельцы из Массачусетса считают, что именно в их краях живет «Дух Америки». А можно просто, безо всяких цифр, указать на автомобильном номере свое имя или звание. Полковник Фокс, например. Или профессор Хант.

Наши гаишники пришли бы в ужас от таких вольностей. Здесь же полиция относится к этому спокойно. Тем более что не она выдает номера, а специальные управления муниципалитетов. Так же, как и техосмотры оплачиваются в муниципалитет и его же службами контролируются. Правила дорожного движения в каждом штате свои, и водительские удостоверения тоже. Время их действия на территориях других штатов ограничено.

Представьте мое удивление, когда я увидел, что на некоторых машинах… нет передних номерных знаков. Мне объяснили, что это зависит от желания владельца автомобиля. Однако задний номер должен быть обязательно: все знают, что полицейский останавливает машину, нагоняя ее сзади и дав короткую сирену: приказ прижаться к обочине. Всякий раз в таких случаях придется объясняться: видимо, твой номер «прокачан» по компьютеру, есть вопросы или ты нарушил правила. Среди таких нарушений одно из самых серьезных – не пропустить пешехода на зеленый свет на переходе. Штраф – от 100 до 500 долларов. Водители предпочитают пропускать пешеходов и во всех остальных случаях: предупредительность их просто не знает границ. Привыкнув в Штатах к тому, что пешеход – король не только на тротуаре, но и на проезжей части, я, вернувшись домой, чуть было не угодил под колеса наших автонаездников.

Только два раза в Америке я увидел резкий старт и нежелание пропустить пешехода. Оба раза за рулем были молодые люди не старше семнадцати лет. Ну что ж, до первой встречи с полицейским... Кстати, зеленая молодежь и бьется чаще всего.

Первые впечатления

Часть 2-я

Доброжелательность и взаимное уважение – одна из фундаментальных черт быта, взаимоотношений американцев. Это то, что сразу бросается в глаза. Неизменное дружелюбие и вежливость – привычная манера общения. Без этого ты просто будешь выглядеть бирюком, нездешним. Готов биться об заклад, что именно по манере общения я смог бы отличить американца в первом поколении от того, кто родился и вырос на этой земле. При этом неважно, где вы находитесь: в столице или заштатном городке, университетской библиотеке или в неблагополучном районе, на шумном Бродвее или в тиши Сентрал-Парка. Я для себя обозначил это явление так: «Полметра суверенитета личности». В самом деле, стоит вам приблизиться к кому-то ближе этой условной дистанции, или к вам кто-то подошел, как уже слышишь: «Екскьюз ми» - «простите, извините меня». Эта фраза просто висит в воздухе. Она служит универсальным паролем для множества ситуаций на улице, в магазине, метро, музее. Даже в барах, где всегда толкотня по вечерам. Она просто непроизвольно вырывается из уст американца, независимо от его возраста (от нашей молодежи мы слышим что-то подобное?), места проживания, профессии, уровня культуры, менталитета. При этом нет ощущения, что это делается по принуждению, через силу. Нет, с улыбкой, вежливым внимательным взглядом. Эта фраза и стереотип поведения просто встроены в рефлексы американцев, даже темнокожих бомжей, бренчащих мелочью в стаканчике на каком-нибудь углу. О сервисе, торговле, официантах в кафе я уж и не говорю: здесь это просто украшает мимолетное знакомство с человеком, который вас накормит. Через двадцать минут вы расстанетесь, чтобы никогда не увидеться, но ощущение маленького праздника доброжелательности вас не покидает. Конечно, официант рассчитывает на чаевые, но этим объяснить все нельзя: только из-за денег на это никаких сил не хватит. Я запомнил только одну официантку, которой мы были безразличны.

Очень часто казалось, что все люди, окружающие меня, давно знакомы между собой: так естественно, легко они вступают в контакт. Если же вы на своем ломаном английском спросите дорогу, чаще всего вам не только покажут направление, но и проведут, пристроят к другому прохожему, которому по пути. Давно выработанные ритуалы позволяют самым разным людям находить некий стандарт общения, обоюдное взаимопонимание. Это «сэр», с которым обратился ко мне менеджер магазина, попросивший прекратить съемку в торговом зале магазина, поскольку это частное предприятие. Это дружелюбно-нейтральное «Куда поедем, джентльмены?», с которым обратился к нам пожилой водитель такси.

Как ни странно, эта мелочь здорово украшает жизнь. Делает ее комфортной, приятной, удобной. К этому привыкаешь мгновенно и с трудом отвыкаешь,

вернувшись домой. Впрочем, приходилось видеть, как вежливый американец довольно жестко реагировал на то, что было неправильно. Не то, что раздражало его лично, а что не соответствовало общепринятым нормам. Это был полицейский, задержавший молодого человека, это был продавец в магазине, сделавший замечание расшумевшейся группе подростков. Но никогда и ничего, задевающего личность другого человека. Если кто-то упорно не понимает, что от него требуется, просто вызывают полицию, и человек в форме, так же вежливо надев наручники, начинает разбираться с нарушителем общественного порядка. Впрочем, о полиции мы еще поговорим.

И этот мягкий юмор американцев, превращающий любую неудобную житейскую ситуацию в маленький этюд взаимопонимания и дружелюбия (вместо озлобления и неприязни).

На одной из центральных улиц столицы штата Висконсин Мэдисона, в продуктовом магазинчике – две одинаковые двери. Посетители часто путали и ломились в закрытую. А на той, что всегда открыта – надпись: «Да, да, дверь здесь!».

Семейная чета, прогуливающая по оживленной улице красивую собаку, надела на нее ошейник с надписью: «пожалуйста, не гладьте меня, а то я облысею!».

В немецком баре, где подают пиво с сосисками, над столиком - художественно выполненная табличка: «Пиво – бесплатно (завтра). И ниже: «Да, да, ответ будет один: пиво. Но я не слышал вопроса». Наверно, среди студентов, заполняющих этот бар по вечерам, немало любителей просто посидеть и ничего не заказать. А хозяину это не нравится. У нас бы написали: «Занимать места без оформления заказа запрещается». Но здесь хозяин прекрасно знает, что запрещать что-либо клиенту он просто не может: отнимут лицензию. Вот у него и проснулось чувство юмора.

Всякий, кто приезжает в Америку, обращает внимание на то, какое большое значение придается здесь прогнозам погоды. Их передают по несколько раз за час все крупнейшие теле- и радиоканалы, они висят на уличных табло. Даже в лифте отеля я увидел сводку на ближайшие два часа. На ехидное замечание, что американцы кажутся мне пассажирами большого корабля, который в любую минуту может перевернуться, мне без иронии ответили, что я еще ни разу не видел смерча или торнадо. Этого мы, действительно, не видели, но один день в Нью-Йорке запомнили. С вечера задул ветер, к утру превратившийся в злобного монстра, который швырял вас от стенки к стенке. Это был сильнейший, ураганный ветер с океана, к тому же ледяной. Мостовые и тротуары покрыла корка, устоять на которой было трудновато. Не спасала никакая одежда. По всему Бродвею кружились сломанные зонтики, вырванные из рук прохожих. Их никто не пытался догонять

Назавтра, как ни в чем не бывало, светило яркое солнышко, и мы гуляли в пиджаках.

Впрочем, динамичность американской жизни проявляется не только в погоде. В Штатах все очень разнообразно, непредсказуемо, переменчиво. Во все нужно вникать. За полтора месяца странствий по стране мне довелось жить в трех гостиницах, бывать по меньшей мере в пяти-шести частных домах, не говоря уж о разных общественных заведениях: музеях, офисах и т.п. Так вот, за все это время я, кажется, не видел… двух одинаковых водопроводных кранов. Не только по дизайну, это понятно, но и по конструкции. В одном случае нужно его просто открутить, как у нас. В другом – нажать, в третьем, наоборот, потянуть, в четвертом – открутить влево для получения холодной воды и крутить дальше, пока не пойдет горячая. В пятом, в десятом…

В магазине упаковка яиц – восемнадцать штук. А почему 18? Да потому, что это – полторы дюжины. А почему полторы, а не одна? Так принято.

На станции метро «Таймс-сквер», недалеко от того места на Бродвее, где мы жили, нужно садиться… в первые пять вагонов, если хочешь выйти на следующих остановках. Метро старое, ему больше ста лет. Вот и не хватает длины платформ для новых, более длинных поездов. И вообще, в Нью-Йорке три независимые сети подземки и порой надо выходить на поверхность и спускаться снова, в другую сеть. Плата за проезд – дифференцированная. Она зависит от количества станций, которые проехал, от времени суток.

Это все мелочи, конечно. Но из них складывается ощущение неповторимости, непохожести другой жизни.

Американцы стараются вести очень здоровый образ жизни. Бег трусцой – это повсеместно. В центре Вашингтона, возле Белого Дома, Конгресса, в парках, по тротуарам – где угодно вы увидите спортивных (и не очень) молодых (и не очень) людей, бегающих трусцой. Много и таких, кто избрал иной метод укрепления здоровья. В начале февраля, когда на улице +1-2 градуса, вдруг видишь человека в тенниске с короткими рукавами. Наверное, перебегает через дорогу из офиса в офис, думаешь ты. Нет, идет себе на работу. Никуда не торопится. И детей так же одевают. У белорусских мамаш просто сердце зашлось бы: ребенок лет 7-8 полураздетый гуляет с мамой, одетой во все зимнее. И хоть бы что!

Впрочем, достаточно и тех, кого здоровыми назвать никак нельзя. Я имею в виду очень полных людей. Это бросается в глаза. Как и то, что везде можно увидеть инвалидную коляску. В вагон вашингтонского метро на станции Фаррагут-Вест вошла женщина и присела рядом со мной. Выглядела она очень неплохо, если бы не… две пластмассовые трубочки у нее в носу. За собой она катила на колесиках миниатюрный баллон (небольшой, но увесистый) с кислородом, очевидно. Это принцип: я болею, и тяжело, но я должна вести полноценную жизнь, быть среди людей. В музеях я часто видел инвалидов в коляске, которую они не могли самостоятельно приводить в движение. За них это делали другие люди – родственники или специально нанятые сидельцы.

Они читали подписи под картинами и тихо пересказывали прочитанное своим подопечным. Некоторые из инвалидов были действительно в тяжелом состоянии, но они стремились быть как все, они посещали музеи. Может показаться, что людей с ограниченными возможностями здесь намного больше, чем у нас. А кто-то из моих коллег-журналистов резонно возразил, что наши инвалиды имеют гораздо меньше возможностей вести полноценный образ жизни, чаще бывать на людях. И колясок таких у нас нет на каждого (ветеранам войны раздавали ко Дню Победы по разнарядке собесов), да и медицина не на таком уровне, чтобы больному человеку захотелось в театр. У него и лекарств может не быть вообще. Вот и сидят наши инвалиды по домам.

Впечатлений, конечно, много. Но через несколько дней просыпается желание вникнуть поглубже и понять, как устроена повседневная, обычная американская жизнь.

«Вам надобно денег? Их есть у меня!»

В заглавии этого очерка я перефразировал строчку из популярной когда-то одесской песенки. Если кому-то важнее всего узнать, сколько американцы зарабатывают и как проживают свои деньги – извольте.

Три года назад некто Джек Виттакер сорвал рекордный в истории США выигрыш в общенациональной лотерее – 314 миллионов долларов. Чтобы вы сделали на его месте? Неизвестно. Но сам Джек… просто ошалел от счастья. Он бросил семью и начал вести бурную жизнь. Тут уж вы можете дать волю своей фантазии. Но очень скоро выяснилось: для такой жизни в Америке никаких денег не хватит. Через полтора года у него не осталось ни копейки (простите, цента), он даже был пойман на воровстве: утащил двадцать долларов из кружки, куда собирались церковные пожертвования. Полгода тому назад Джек Виттакер скончался от передозировки наркотиков. Дармовые деньги не пошли ему впрок.

Сколько же получают американцы? Неправильно поставлен вопрос: сколько они зарабатывают?

Семья из четырех человек считается бедной, если её совокупный годовой доход не превышает девятнадцати-двадцати тысяч долларов. Доля таких семей за последние годы резко сократилась. Сравнительно немного и семей с доходом в 200 тысяч в год и больше. Миллионеров всего…. два миллиона во всех Штатах, каждый сто сороковой американец.

За двадцать тысяч долларов в год работают, например, практиканты, только окончившие университет, если они избрали административную карьеру, а не бизнес, например. Мы познакомились с Аланом Снайдером, высоким

худощавым молодым человеком, который работает ассистентом в канцелярии конгрессмена-демократа в Капитолии, в палате представителей. Он откровенно объяснил, что ему важнее работать на Холме (Капитолийский холм, где расположен Конгресс), чтобы приобрести квалификацию, завести связи, сделать карьеру. Доходы будут потом как следствие всего этого. Таких же практикантов я видел в Законодательном собрании штата Висконсин. Иногда к ним относятся как к чудакам, не от мира сего: их сверстники пошли в компании, фирмы, зарабатывают намного больше. Но эти молодые серьезные люди тоже хорошо знают, что делают: они постигают технологию власти, у них все впереди.

Около двадцати тысяч в год могут зарабатывать горничные в отелях, клинеры (уборщики) и тому подобные категории людей, а также те, кто занят неполный рабочий день. К слову, официанты, особенно в хороших ресторанах – это привилегированная каста. Зарплаты могут быть невысокими, но чаевые… Как правило, клиент оставляет здесь не менее десяти, а то и пятнадцати процентов от суммы заказа. Эти деньги целиком поступают официанту.

В экономически развитых районах США (а в них живет подавляющее большинство населения страны), в крупных городах, столицах штатов средним доходом на семью из трех-четырех человек считаются 40-60 тысяч долларов в год (до налогов, то есть минус десяток тысяч). Если кого-то эти цифры гипнотизируют, то можно сделать небольшое описание расходов такой семьи. Аренда апартаментов из двух-трех комнат – от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов в месяц. Точные цифры назвать невозможно: цены зависят от города, района, типа здания (в многоэтажках дешевле), размеров квартиры, расстояния до метро, близости шумной улицы, бесплатной автостоянки, вашей договоренности с хозяином т.д. Если вы купили домик (разумеется, в кредит), то не меньше вы будете выкладывать на выплату кредита и процентов по нему, а это удавка лет на двадцать-тридцать. Далее, расходы на питание – от пяти (минимально) до семи и больше тысяч в год. Ну цены такие, что поделаешь. Да и как себе откажешь: в магазинах глаза разбегаются. При этом все цены указаны без налогов. При расчете ваша покупка (как и счет в ресторане) увеличится от пяти до десяти процентов, в зависимости от штата и вида товара. Одежда, транспорт (общественный) – это еще пять-шесть тысяч в год. А медстраховка? А автомобиль, который здесь нужен, как воздух (и страховка на него)? А книги, видео, развлечения, детский сад, школа? А в отпуск съездить? А отложить что-то на черный день?

Растворились где-то все эти тысячи.

Однако здесь нужно сделать важную оговорку. Все зависит еще и от того, какой стандарт жизни вы себе задаете. Здесь все измеряется деньгами. Даже ваше ощущение от глотка вина или кусочка мяса. Или атмосферы в ресторане. Если вы где-то сэкономили, вы ровно столько же недополучите. Не больше, но и не меньше. Все взвешено, отсчитано, отмерено. «Халявы» быть не может: это убивает тягу к тому, чтобы много и хорошо трудиться. А на этом ведь все и

стоит.

Вы можете купить бутылку калифорнийского вина 0,75 л. за 500 долларов, а можете за семь долларов – галлон (3.8 литра), и это тоже будет настоящее калифорнийское вино. Неплохое, мы пробовали. Есть мясо за семь (семнадцать, двадцать семь) долларов фунт (говядина и баранина дороже, чем свинина). А есть куриное мясо (без костей) за 98 центов, и тоже неплохое (до истечения срока годности – три недели, стоит дата). Весь вопрос в том, важно ли для Вас, какое мясо вы едите, какое вино пьете, какой костюм носите, в каком автомобиле ездите? Вы все будете иметь по среднему стандарту, нижняя планка которого довольно высока, с нашей точки зрения. Например, двухкомнатной считается квартира с двумя гостиными, или залами, без учета кухни и спальни. В стоимость аренды входят также прачечная, встроенная кухонная мебель с набором оборудования (посудомойка, печь СВЧ, тостер и т.п.), нередко фитнесс-центр или бассейн. Если рядом бесплатная, муниципальная библиотека или школьный, общедоступный стадион – это тоже ценится. Американцы понимают, что все стоит денег. «Бесплатные» стадион и библиотека незримо присутствуют в муниципальных налогах, которые платят все.

Для больших семей выгодно закупать товары по оптовым ценам. Существуют огромные супермаркеты, в которых есть все: от шпротов до холодильников со встроенными телевизорами. Покупая годовой абонемент в такой магазин стоимостью, например, 45 долларов, ты немало сэкономишь на скидках. Чем больше покупаешь, тем больше экономишь. Без абонементов в такие магазины просто не впускают и не рассчитывают.

Питание мы посчитали с учетом посещения ресторанов. Не каждый день, но довольно часто. Здесь так принято. Вы можете также готовить завтраки и ужины из полуфабрикатов, которых здесь великое множество. Впрочем, вы можете посещать и дешевую закусочную, где выберете мясные, рыбные блюда (пять-семь видов, с различными подливками и соусами), разнообразные пудинги, запеканки и лазаньи, салаты, десерты, фрукты. Вы сами накладываете себе все, что хотите и платите... от пяти до шести долларов за фунт (450 гр.), независимо от того, что выбрали. Эти закусочные разбросаны по всей стране и доступны большинству. В самом центре Нью-Йорка, на Бродвее, на 52-й улице, мы нашли такую закусочную и питались там. А рядом находился стейк-хаус, где кусок великолепной говядины с гарниром и супом вам предложат… за 40-50 долларов. Но вам же его вынесут! Выбирать – ваша воля.

Ребенка вы можете отдать в муниципальную, бесплатную школу (бывают хорошие и не очень). А можете в частную, дорогую. Но это зависит от вашего желания. И возможностей.

И всегда перед вами стоит выбор: что лучше – жить, прижавшись, или постараться сделать что-то, увеличив свои доходы? Как – это всякий решает по-своему. Например, в тех районах, где быстро растут цены на землю и недвижимость, имеет смысл взять кредит и купить квартиру, которою сдашь в

наем. Через какое-то время сможешь продать с хорошим «наваром», а его снова вложить в дело. Но здесь надо все очень хорошо рассчитать. Есть примеры такого бизнеса, и очень удачного. А кто-то предпочитает получить дополнительную квалификацию и найти другую работу. Кто-то приобретает акции (если есть за что), при этом рискует. В общем, выбор есть всегда. И всегда существует возможность это свое решение осуществить. За ваши деньги риэлтерские конторы помогут начать свой бизнес на рынке жилья, консалтинговые фирмы ведут вашу деятельность на биржах, специальные классы в колледжах обучают взрослых людей новым специальностям.

Жить здесь трудно. Чтобы состояться, нужно проявить энергию, сообразительность, волю, характер. И при этом быть готовым рисковать. Здешняя жизнь не дает авансом ничего и никогда, пока ты сам не докажешь, что заслуживаешь большего. Она не дает тебе авансов, но создает массу стимулов и возможностей. Она не накормит даром, но даст заработать. Она не тащит тебя куда-то, а с холодным прищуром оценивает, чего ты стоишь на этом вечном, вселенском рынке. И если стоишь, то воздаст. Можешь не сомневаться.

Настоящая зажиточность средней американской семьи начинается после семидесяти-восьмидесяти тысяч долларов в год. Но соответственно увеличиваются и расходы. Любопытно, что среди людей с доходами, превышающими $70 тысяч, пять процентов заявляют, что им не хватает денег, чтобы вести достойную жизнь.

Иногда сами американцы называют эту погоню за доходами «крысиными гонками», в которых участвуют далеко не все. Однако все понимают, что от деловой активности (на каком бы уровне она ни проявлялась – от «Боинга» до китайской закусочной) – зависит благосостояние каждого и всех вместе.

«О чем бы мы ни говорили, мы говорим о деньгах», – говорят американцы, затевая какое-нибудь дело. И это не цинизм. Для них деньги – средство, а не цель. Доходы передают действительный уровень востребованности человека обществом. Для того чтобы заработать, надо, прежде всего, найти способ своей пригодности, а деньгами ее просто измерят. При этом странным образом в человеке ценятся не доходы, а он сам, его личные качества. Все понимают: это и есть главный капитал. С другой стороны, нажитые деньги вовсе не меняют образа жизни людей, их отношения к труду. Труд здесь самоценен и уважаем. Любой. В этом мне пришлось убедиться лично.

Всего две истории.

Какое-то время я жил у знакомых в небольшой квартирке на втором этаже пятиэтажного многоквартирного дома. Рядом стояла такая же пятиэтажка красного кирпича. Два здания объединял двор со стоянкой на несколько десятков машин. Вся эта собственность, нажитая лет за сорок, принадлежала одной семье. Престарелый отец уже отошел от дел, а сын занимается семейным бизнесом: около ста пятидесяти квартир сдаются внаем. В Арлингтоне, пригороде Вашингтона на другом берегу реки Потомак, цены на землю и недвижимость довольно высоки. Трудно сказать, сколько именно, но оба эти

здания и земля под ними, принадлежащие семье, стоят миллионы долларов.

И вот случилось, что на нашей кухне засорился сток умывальника, забился чем-то. Вечером, когда я пришел домой, мне с веселым недоумением рассказали, что на вызов сантехника явился… сам хозяин дома. Он привел с собой младшего сына, чтобы показать ему, как устраняются засоры. Сделав все в считанные минуты и не взяв денег (такое обслуживание входит в арендную плату), он удалился. А средний сын этого хозяина весь день долбал отбойником какие-то перегородки в подвале. Это был его «бизнес», отец платил ему за это.

В штате Висконсин я познакомился с фермером Брайаном Вегле. Он, его мама и брат Джим – владельцы четырехсот гектаров пахотных земель и других сельхозугодий, а также двух домов, производственных помещений, парка сельскохозяйственной техники. Его предки, выходцы из Швейцарии, хозяйствуют на этой земле с 1854 года, и за это время увеличили свою собственность в несколько раз. Сейчас стоимость всего этого в богатом, зажиточном штате Висконсин – тоже не один миллион долларов. Но Брайан встретил меня в потертой куртке, резиновых сапогах, поношенном свитере. Он работал: как раз в ту пору вывозили удобрения на поля. Хоть все механизировано, техники достаточно, все равно это грязная, тяжелая работа. Она - его жизнь, его судьба, и другой ему не надо. Впрочем, с Брайаном Вегле мы еще познакомимся поближе.

Если после всего этого кого-то гипнотизирует слово «миллионер», то в Америке он будет вынужден серьезно скорректировать свое понимание богатства и его человеческого содержания.

Конечно, существуют многомиллионные, миллиардные личные состояния, «старые деньги». Стремительно наживаются новые. Но все-таки они здесь давно стали моральной категорией. Во-первых, потому, что не все включаются в эту гонку, наградой в которой является более высокий материальный уровень жизни. Таких в Америке тоже много. По данным службы Гэллапа, около половины американцев, имеющих годовой доход около 20 тысяч долларов, заявили, что у них вполне достаточно денег, чтобы жить комфортабельно. Во-вторых, высокие доходы не становятся самоцелью, а служат возникновению новых, высоких потребностей. Большинство музеев в Америке построены на пожертвования. Концертные залы, бассейны, бесплатные библиотеки, стадионы, мосты, больницы, университеты, даже здания судов часто имеют имена собственные - тех людей, которые финансировали их строительство из благотворительных побуждений. Но американцы не были бы американцами, если бы не сделали благотворительность выгодной: суммы пожертвований вычитаются из общего дохода и не облагаются налогами. Однако в начале всего стоит движение души: какой-то человек хочет финансировать именно больницу, именно картинную галерею и помещает в нее собственную коллекцию живописи, которую собирал всю жизнь. Я видел немало таких коллекций в Музее искусств города Милуоки, на берегу озера Мичиган. Я видел такие коллекции, целые экспозиции в ошеломляющем

Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Я был в галерее Соломона Гугенхейма, известной богатейшей коллекцией русского абстракционизма, и не только этим. В Медисоне, столице штата Висконсин, недавно закончили строительство великолепного концертного зала стоимостью 260 миллионов долларов, поступивших от семьи, занявшейся благотворительностью.

Все американские меценаты увековечивали себя, создавали себе памятники. Им было позволено сделать это. За их же счет, разумеется.

Свобода и ответственность

Америка – действительно свободная страна. Ты здесь никому не нужен, пока не докажешь обратное.

Антон, белорусский парень, студент, прибывший сюда пять лет назад, начал с того, что в Нью-Йоркском рыбном порту… рубил крабам клешни и лапы – заготовки для ресторанов. По восемь и более часов в день. Потом переехал в штат Массачусетс. Там освоил профессию механика, моториста, обслуживал яхты в маленьком городке на побережье Атлантики, возле Бостона. Работа была относительно денежная, удалось что-то скопить. Сейчас живет в столичном пригороде Арлингтон. Вместе с женой, тоже белорусской, сняли квартирку. Живут только на ее зарплату, потому что он решил учиться. По прогнозам службы занятости увидел, что в ближайшие годы на рынке труда возрастет спрос на специалистов, работающих в сфере художественной фотографии, компьютерного дизайна. Это всегда его интересовало, влекло. Он неплохо фотографирует, выставляет свои работы в Интернете. Поступил в колледж, на «неполного» бакалавра. Подобрал себе набор предметов, индивидуальную программу. Каждый прослушанный курс лекций и зачет оплачиваются отдельно. Ты можешь учиться с перерывами хоть пятьдесят лет. Диплом получишь тогда, когда пройдешь и сдашь все зачеты. Учеба началась для него… с рисунка как базовой дисциплины. Никогда раньше не державший карандаш и кисти (разве что в детском садике), он с успехом сдал экзамены. В год на учебу требуется тысяч пятнадцать, денег на жизнь не хватает. Сейчас уехал на старое место, под Бостон, на стройку. Работа по 14-15 часов в сутки, без выходных, но платят хорошо. К осени вернется, продолжит учебу. Когда окончит колледж, будет искать работу по специальности. Здесь опять возможны варианты: открыть свое, маленькое дело или пойти в крупную компанию, с дипломом шансы на такое устройство значительно повышаются, но гарантий нет никаких.

Его жена, Юля, начинала с того, что работала «клинером» - уборщиком коттеджей состоятельных американцев. Что такое убрать коттедж из 10-12 комнат, каждый может представить после очередной, весенней уборки своей городской двух-трехкомнатной квартиры. В общем, женщины меня поймут. Но

здесь это приходилось делать месяцами на протяжении 6-8 часов в день. По вечерам она подрабатывала продавцом в небольших магазинчиках – парфюмерном, а затем книжном. Потом появилась возможность устроиться в маленький банк, в сберкассу, в сущности. Для работы с клиентами необходимо хорошо знать английский и зафиксировать это сдачей специального экзамена TOEFEL. Сейчас она, можно сказать, сделала небольшую карьеру: работает кассиром к крупном вашингтонском банке. Ей помогли хорошие рекомендательные письма с прежнего места работы. Кроме того, несколько раз пришлось пройти переподготовку и стажировку. Если постарается и еще подучится, может претендовать на должность помощника менеджера. Это уже кое-что.

Таких историй я мог бы рассказать много. При устройстве на работу статус или какие-то заслуги почти ничего не значат. Здесь магистр может работать библиотекарем, потому что по своему профилю не удалось устроиться. Здесь писатель может подрабатывать где-то в офисе или магазине, если тиражи книг не обеспечивают ему нужных доходов. Про союзы писателей и литфонды я что-то не слышал. Конечно, можно найти спонсора – организацию или частное лицо. Но его надо заинтересовать.

Если кто-то думает, что это касается только иммигрантов, то ошибется.

Тод Вилсон, девятнадцатилетний паренек, учится на двухгодичном отделении журналистики муниципального колледжа города Медисон, столицы штата Висконсин. Сюда он поступил, чтобы два первых года обучения обошлись ему гораздо дешевле, чем в университете. Но завершать учебу нужно именно там. Обойдется это тысяч пятнадцать в год, не меньше. Сам он не из этих мест. Приходится снимать жилье. Подешевле, но и подальше. Каждый день приходится добираться к месту учебы около полутора часов. Машины пока нет. Денег катастрофически не хватает. Платить приходится за все, даже за учебники, а они очень дорогие. Конечно, существует возможность получить правительственный грант на обучение, заявку он написал. А пока что взял кредит. Поручителями выступили родители. На мой вопрос: «А сами они в состоянии тебе помочь?» я услышал вполне «американский» ответ: «Конечно, но у нас это не принято». После окончания учебы и устройства на работу (Тод мечтает стать репортером в крупной газете) в течение полугода он обязан начать выплаты по кредиту. Обычно это процесс завершается лет за десять. Но в случае необходимости банк может дать отсрочку до тридцати лет. Однако там возникнут новые потребности, придется брать новые кредиты.

Мы познакомились с Тодом в редакции студенческой газеты, где он вместе с друзьями обсуждал очередной номер. Все эти молодые люди живут примерно также. Но уже сейчас они учатся зарабатывать: продают свою газету, ищут для нее рекламу. Это их маленький бизнес.

На фешенебельный курорт, остров Нантакет в Атлантике, милях в 35 от Бостона, на лето приезжает миллионер, владелец сети кондитерских, разбросанных по всей Америке. Отдыхает он так: до обеда работает в своей

кондитерской, заворачивает пирожные, готовит торты. После обеда идет гулять, на пляж. Он просто не может по-другому: он свое состояние сколотил на кухне. Об этом мне рассказывали белорусские студенты, которые работали рядом с этим человеком.

Наслушавшись таких историй, многие из нас не захотели бы, наверно, такой жизни. А другой она может быть?

Дискуссии на эту тему идут сейчас по всей Америке. Связано это с инициативой администрации президента Буша кардинально реформировать систему пенсионного обеспечения страны. Среднестатистический работающий житель США планирует уйти на пенсию в возрасте 65 лет или старше и прожить после этого по крайней мере лет двадцать. Официальный порог выхода на пенсию - 65 и 67 лет для мужчин и женщин в зависимости от года рождения (чет-нечет), но по желанию можно выходить и раньше.

В двух словах, значительно упрощая, можно сказать, что правительство предлагает принять законы, которые предоставляли бы людям больше возможностей в накоплении пенсионных фондов. Взамен население лишается гарантированной помощи государства – Social Security, которая сейчас полагается каждому, кто достиг пенсионного возраста. Государственную пенсию сохранят только для тех, кому сейчас не меньше пятидесяти восьми. Все остальные должны сами заботиться о размерах пенсионных отчислений или доверять их негосударственным пенсионных фондам. Эти свои, пенсионные деньги можно вкладывать в бизнес, приобретать за них акции, играть на бирже. Конечно, это риски. Хорошо, если повезет. А если нет? Но для правительства важно снять с себя бремя расходов на Social Security. В этом суть новации.

Отношение к ней неоднозначное. Молодежь увидела в этом немало возможностей для себя. Те, для кого пенсия не за горами, конечно, - против. Опросы показывают: только каждый третий житель страны уверен, что он сможет удовлетворить свои основные потребности за счет пенсии и личных накоплений. 17% американцев считают, что для нормальной жизни в старости им нужно скопить по крайней мере один миллион долларов. 9% населения думает, что минимальной суммой может быть 500 тысяч. 15% планирует обойтись, по меньшей мере, $250 тысячами. 36% американцев затрудняется назвать реальную цифру.

Дискуссия поистине мировоззренческая, вокруг вечного вопроса человеческой цивилизации: о личной ответственности за свою судьбу. Противоположные позиции стары, как мир. Пусть каждый отвечает за себя, говорят одни. И за ошибки собственные расплачивается сам. А на доброго дядюшку – государство – рассчитывать не стоит. Расплодим иждивенцев, тогда все нищими станем. Государственные должности, социальные гарантии только развращают людей, тяжелой гирей лежат на бизнесе, снижают деловую активность. Такую точку зрения я слышал, например, от сенатора-республиканца Законодательного собрания штата Висконсин Гленна Гротмана. А его оппонент, депутат нижней

палаты, демократ Джозеф Париси, считает, что сильное государство не имеет морального права забывать о бедных, пожилых, больных людях. Но и государство, становясь собесом, слабеет, не исполняет своих обязанностей, возражают снова сторонники жесткой линии. Оппоненты реформы, в свою очередь, утверждают, что из четырех возможных рецептов вывода системы социального обеспечения из кризиса администрация избрала самый простой: все отдать под личную ответственность самого пенсионера.

Вопрос действительно серьезный. Подобные проблемы становятся источником социальных напряженностей даже в таких развитых странах Европы, как Германия, Франция. Население стареет, растут затраты на обеспечение пенсионеров, которых становится все больше и живут они все дольше. С другой стороны, большое количество молодежи не рвется в работу, а предпочитает отсиживаться на довольно высоких социальных пособиях. Но котел-то все равно один: бюджет, и пополняется он только за счет упорного и эффективного труда. Закон прибавочной стоимости – источника всякого богатства – еще никто не отменял.

Я пишу эти строки и слышу оголтелые крики российских политиков, раздающиеся из телеящика. Сойдясь у барьера, они в который раз дискутируют о том же: продвигать ли рыночные реформы (правые) или упор сделать на защите социальных гарантий для населения (левые). Как всегда в России, любая дилемма становится непроходимым противоречием, раскалывающим нацию. Американцы не могут позволить себе жить «понарошку»: говорить одно, думать другое, а делать третье. Это слишком дорого обходится. Жалко денег и времени.

Тут самое время вспомнить, что в США все решается демократическим путем - большинством голосов обеих палат парламента. А на них давит общественное мнение, простые избиратели. Их можно только убедить.

Обе противоборствующие стороны используют для этого все возможности. Президент Буш разъезжает по стране, встречается с людьми, разъясняет, полемизирует. Его противники тоже не дремлют. Они утверждают, что нынешняя администрация хочет развалить систему социального обеспечения, которая создавалась при президенте Франклине Рузвельте в тридцатые годы. В строку при этом вставляется все, в том числе и война в Ираке, на которую идут колоссальные средства.

Борьба идет нешуточная. Аналитики прогнозируют, что, несмотря на все усилия администрации, закон о Social Security, очевидно, не пройдет. Наверно, это хорошо. Но и большой радости тоже нет. Проблемы-то остаются. По расчетам экспертов, объем финансовых обязательств Администрации Социального Обеспечения США перед населением страны в период с 1997 по 2075 год на $160 трлн. превышает объем доходов, которые получит эта структура.

Видные экономисты страны считают: чтобы избежать дефицита, необходимо на 50% увеличить размеры выплат, которые каждый работающий американец

отчисляет из своей зарплаты. Однако это может привести к кризису в экономике страны и повлечет исчезновение 3 млн. рабочих мест. По мнению ведущих экспертов исследовательского центра Heritage Foundation, если бы система социального обеспечения США была частным предприятием, то ее давно объявили бы банкротом. Конечно, решение вопроса будет найдено. Острота коллизии с ликвидацией Social Security вызвана тем, что население сопротивляется попыткам властей все бремя ответственности возложить только на его плечи. Как всегда, нужен компромисс. А пока что система социальной помощи защищает миллионы американцев от житейских невзгод.

О тех, кому не повезло в Америке – наш следующий рассказ.

Сделай себя сам

Если у вас на кухне есть телевизор, то где он стоит? Правильно, на холодильнике. А смотреть удобно? Конечно, нет: все время задираешь голову. Вот американцы и придумали: встроили плоский экран прямо в дверцу холодильника, который я увидел в крупном универсальном магазине.

«Все во имя человека, для блага человека». Не забылось еще? Люди постарше помнят, что именно таким лозунгом завершалась Программа строительства коммунизма, утвержденная двадцать вторым съездом КПСС в 1961 году. Странно, что нашу программу выполняют американцы.

Ловлю сам себя на мысли: стоит ли разводить философию из-за такой мелочи? Но из чего состоит жизнь обычного человека, как не из мелочей? Такими «заботливыми» американцев делают законы рыночной экономики: чудеса изобретательности проявляются ради того, чтобы товар купили, чтобы прибыль была, профит. Что и говорить, общество потребления. Но чтобы много потреблять, надо немало зарабатывать. Минимальный размер оплаты труда в США – 5,15 доллара в час при 40-часовой рабочей неделе. Во многих штатах и даже графствах «минималка» может быть выше: все зависит от местных законодателей. Например, в графстве Дэн штата Висконсин, где мне довелось стажироваться, минимальная ставка почасовой оплаты труда составляет 7,75 доллара в час. Весьма неплохой зарплатой считаются 15-20 долларов в час, а уж выше – и подавно. К числу штатов с высокими зарплатами относятся Коннектикут, Калифорния, Колорадо, Иллинойс, Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Мэриленд. Штаты с небольшими зарплатами, в основном, сконцентрированы в американской глубинке (Монтана, Айдахо, Юта, Нью-Мексико и др.). Доход среднестатистической семьи составляет около 50 тысяч долларов в год. Работающий американец, кроме прямых выплат в виде зарплаты, пользуется многочисленными льготами и страховками, которые предоставляет ему предприниматель. Владелец предприятия – не филантроп, он «капиталист». Но он хорошо понимает, что вложения «в рабочую силу» - самые

эффективные. Кроме того, многое его заставляет делать государство. По закону, наниматель обязан выплачивать определенные суммы на социальное обеспечение, которые поступают на государственные счета. Именно эти накопления гарантируют работнику минимальные, государственные выплаты на случай нетрудоспособности или выхода на пенсию. Кроме того, идут отчисления от предприятия, где человек работает. Таким образом, его пенсия состоит из двух частей: «государственной» и «фирменной». Большое значение имеют льготы. Наиболее распространенными являются такие, как оплачиваемый отпуск (от одной до четырех недель и больше, в зависимости от стажа), оплачиваемые дни национальных праздников (шесть дней), а также до 12 оплачиваемых дней по болезни или особых личных дел (день рождения, семейные праздники и т.п.). Ощутимая льгота – частичное или вообще бесплатное страхование жизни и медицинская страховка за счет предприятия. Весьма популярны участие в доходах (приобретение акций своей компании по низкой цене), оплата стоимости обучения, скидка на товары своей компании, бесплатная парковка (не улыбайтесь, это очень существенно для крупных городов), создание условий для занятий спортом, оплата железнодорожных и авиабилетов, лечение от алкоголизма и наркомании. Многие компании создают кассы взаимопомощи, которые выдают ссуды под выгодный процент для приобретения дорогостоящих вещей – автомобиля, например. Денежная стоимость всех этих льгот и страховок легко поддается исчислению и составляет существенную часть годового дохода человека, его семьи. Бывает и так, что выгоднее работать на низкой зарплате, но с хорошими льготами, чем на высокой, но с низкими. Каждый считает сам. К этому можно добавить изменившуюся структуру расходов, возможность сберегать средства, например, на питании. Бывали времена, когда американцы «проедали» около трети своих доходов. Новые технологии в сельском хозяйстве и пищевой промышленности привели к тому, что суммы, которые тратятся на еду, за последние тридцать лет значительно снизились. В новом веке эта тенденция не прекратилась.

Хорошо, когда все хорошо. Но если американец вдруг потерял работу не по своей вине (сокращение штатов, банкротство компании), в силу вступает система пособий, или как здесь говорят, страховок по безработице. Эта система действует в США с 1935 года. Размеры страховок не покрывают всех потребностей семьи безработного. Средний размер пособий колеблется в пределах от ста до пятисот долларов в неделю. Он зависит от штата, а также от размеров зарплаты по прежнему месту работы. С этих сумм нужно еще платить налоги, а также регулярно отчитываться, насколько регулярными были твои попытки устроиться на новое место. Максимальное время, в течение которого выплачивают страховку по безработице в большинстве штатов – 26 недель. Могут продлить еще на 20 недель, но при условии, что безработный живет в местности, официально признанной зоной неблагополучия в сфере занятости.

Американское неблагополучие, если смотреть со стороны, кому-то может показаться раем. В 2003 году бедным считался тот, кто имел ежегодный доход в

$8980 и ниже. При доходе ниже восьми тысяч долларов налоги не взимаются, при десяти они минимальны. В 2003 году семья из двух человек получала статус «бедной» при доходе в $12120 в год, из трех - при заработке в $15260 и четырех - при $18 400. Но это чисто номинальные цифры. При столкновении с американскими ценами эти суммы растают как дым, если ты не поменяешь образ жизни: переедешь в дешевый район, станешь покупать дешевую пищу и одежду.

Здесь все немного равнодушны ко всем. Ровно настолько, чтобы не мешать жить. Никто не стремится перекрестить тебя в свою веру. Но всегда помогут, если ты нуждаешься. Причем помогут профессионально.

В стране существует целая индустрия по производству дешевых продуктов питания, одежды, всего необходимого. Есть целые сети универсальных магазинов, предназначенных для малоимущих слоев населения. Есть, наконец, то, что называют «Second hand».

Главная проблема, конечно, жилье. Очень не хватает дешевого. Эту проблему решают как на федеральном уровне, так и в штатах. Не нужно забывать, что действовать приходится в условиях рынка, где все права домовладельцев защищены. В 1937 году был принят Жилищный акт, в соответствии с которым федеральное правительство субсидирует аренду жилья для малоимущих слоев населения. Такие же субсидии осуществляются и из бюджетов штатов, в соответствии с местными условиями, которые хорошо знают законодатели. В Медисоне, например, эта проблема усугубляется наличием престижного, известного университета. Из 210 тысяч жителей города 40 тысяч – студенты. Ситуация довольно напряженная. В этих условиях федеральные средства, а также субсидии из бюджетов штатов идут на частичное или полное погашение сумм аренды, которые выплачивает неимущая семья. Владельцы жилого фонда, сдающие его бедным, получают освобождение от налогов на 25 лет. Довольно часто возле того или иного коттеджа можно увидеть стационарный флагшток с развевающимся государственным флагом. Это может свидетельствовать о патриотизме владельца дома, а также о том, что этот дом сдается неимущим, которые рассчитываются с хозяином ваучером, полученным от городских властей. Впрочем, противоречия здесь нет. Жить «под флагом» - это быть защищенным.

С Энди Холлом, репортером ведущей газеты Медисона «Wisconsin State Journal», мы медленно едем вдоль ряда одноэтажных коттеджей по тихой, обсаженной деревьями улице. Это неблагополучный район, Allied Drive. Еще год назад он славился довольно бойкой торговлей наркотиками, криминальными разборками, проституцией. Я слушаю рассказ Энди и рассматриваю фоторепортаж, помещенный на страницах газеты. Вот скрытой камерой снято «дежурство» наркодилеров на углу тихой улочки, вот полицейский, укрывшись за багажником автомобиля, ведет огонь на поражение. Фото сделано в «боевых условиях», когда полиция нагрянула сюда с очередным

рейдом. В общем, это была американская «Молдаванка и Пересыпь».

Серия статей Энди Холла о неблагополучном районе получила громкий резонанс в городе. Муниципалитетом Медисона были приняты соответствующие решения, подключилась общественность. В районе Allied Drive активнее стали работать социальные службы. Сейчас Энди готовит очередную статью об острых проблемах неблагополучных районов.

Нас встречает Майк Брюс, служащий отдела социальной защиты графства Дэн. В совсем скромном одноэтажном домике находится все: офис социальной службы, небольшой склад подержанных вещей, кухонька. Майк жалуется репортеру, что их пункт хотят убирать отсюда, а они противятся: район останется без присмотра. Впрочем, у них есть серьезная поддержка: религиозные общины, благотворительные организации. Через несколько минут в комнату зашел его коллега Стив, вместе они рассказывают о своей работе.

Как находят своих «клиентов»? По-разному. Основной источник информации о неблагополучных семьях – школы. Начальное и среднее образование в Штатах обязательное. Поэтому все дети ходят в школу, муниципальную или частную. Первый сигнал о неблагополучии поступает обычно из муниципальной школы - от учительницы, от медсестры. Если ребенок приходит невыспавшийся, бледный от недоедания, если со следами побоев, то все ясно: семья требует к себе пристального внимания. Об этом сразу сообщают в два адреса: в социальные службы и полицию. Каждая из них действует своими методами.

Какие главные заботы? Обеспечивать жильем, предотвращать выселения, не допускать отключение электроэнергии, выдавать купоны на продукты, собирать пожертвования – одежду, еду. Для детей, остающихся в школе на «продленку», организуют питание. Вместе с детьми иногда подкармливают и родителей. Бюджет социальных служб, конечно, ограничен, поэтому огромную роль играет помощь населения – общественных организаций, университета, религиозных общин. Они собирают немалые деньги, которые расходуются по предписаниям социальных служб. Например, на собранные средства создан продуктовый банк, который регулярно пополняется. Осуществляется программа «Объединим усилия», в которой совместно действуют власти и население города Медисона и графства Дэн. Газетный репортер Энди Холл все время интересуется, как еще можно привлечь внимание населения к проблемам бедных семей, что именно сейчас донимает больше всего.

Мы находились в офисе социальной службы чуть больше часа. Была середина дня, из школы стайками потянулись дети. Группа темнокожих девчонок с ранцами за спиной прошла на кухню, где их напоили чаем с пирожными. Несколько раз заходили взрослые – семьями и поодиночке. Мужчине выдали проездной билет на автобус, молодой семье, пришедшей с коляской – набор продуктов, памперсы и одежду для ребенка.

Я наблюдал за этими людьми и пытался понять их образ мыслей, образ жизни. Разговаривать с ними об их бедности, о ее причинах? Напоминать им об этом? Не хотелось. И потом, в целом проблема вырисовывалась и так достаточно ясно. Американская проблема, она имела и чисто американскую окраску. У американской бедности – не совсем белое лицо. Многие из моих новых знакомых говорили мне: бедность – да, это клеймо. Из нее очень трудно выбраться. Особенно если ты родился в такой среде, приобрел там первые привычки (не всегда полезные), соответствующее отношение к жизни. Но всегда есть выход, если ты действительно хочешь его найти. Конечно, без образования – никуда. А оно стоит дорого. Можно устроиться, например, на стройку: там платят очень неплохо. Заработать на образование, если хочешь. Всегда есть и такой выход, как армия. Пункты, где можно записаться на воинскую службу, располагаются где угодно: в крупных универмагах, возле вокзалов, там, где вращается много народа. Служба в армии все ставит на свои места: у тебя есть доход в виде жалованья, жилье в виде казармы и работа в любой точке земного шара. Выслужив определенное количество лет, ты выходишь на пенсию, имея на своем счету сумму, вполне достаточную для обзаведения всем необходимым.

Впрочем, немало примеров и противоположного рода: у человека было все нормально, он преуспевал. Но затем что-то произошло в его жизни, и он скатился на дно.

Конечно, в США нужно еще суметь «провалиться». Самый верный путь к этому – алкоголь и наркотики. Если же ты действительно хочешь выстроить свою судьбу, то общество всегда придет к тебе на помощь.

Все зависит только от тебя. Недаром именно в Америке возникло это выражение: «Self-made man» - «Человек, сделавший себя сам».

Crime and Punishment

Так по-английски пишется название известного романа Ф.М.Достоевского о Родионе Раскольникове. Преступность неотделима от социальных проблем, о которых мы говорили в предыдущем очерке.

В сопровождении полицейского репортера газеты «Wisconsin State Journal» Лиссы Шутц («мой отец – из немецких иммигрантов, мама – норвежка») я направляюсь в главное управление полиции города Медисона, столицы штата Висконсин. Визит начинается с просмотра сводки происшествий за минувшие сутки. Она лежит у дежурного в открытом доступе, ее может посмотреть любой гражданин с улицы. Таково требование закона. Если захотите скопировать что-то – пожалуйста. При своем, белорусском менталитете я не мог не спросить у Лиссы, а не может ли случиться так, что из сводки... изымается что-нибудь,

ну… не включается в сводку. По ее взгляду я понял, что вопрос непонятен. Но предельно вежливо Лиза ответила мне, что это никак невозможно. Чуть позднее она вспомнила случай годичной давности. Полиция задержала министра юстиции штата, женщину, за вождение автомобиля в нетрезвом виде. Ее лишили прав и оштрафовали. Конечно, для газеты это была «жареная» тема. А мне все-таки было непонятно: полицейский, он что, не видел, чью машину останавливает? А прокурор, который дал ход делу – он тоже ничего не соображал? Непонятно это нам, белорусам…

Мэри Шаут – миловидная женщина средних лет, капитан полиции и… начальник полицейского управления Медисона, встречает нас в просторном помещении, уставленном письменными столами сотрудников управления, следователей. Никаких кабинетов, все открыто. Напоминает редакцию крупной газеты. Мэри рассказывает нам о работе полиции Медисона.

Лет пятнадцать назад город и штат столкнулись с серьезной проблемой. Решением муниципалитета Чикаго (а он находится на расстоянии примерно в триста миль отсюда) были сокращены муниципальные программы финансирования жилья для неимущих. Люди с криминальным прошлым и будущим – воры, убийцы, проститутки, наркоманы переместились в тихий, живописный штат Висконсин, в край красивых озер и непуганых граждан. Для полиции это была серьезная встряска. Хотя за эти годы удалось погасить основной вал преступности, работы хватает и сейчас. Примета последних месяцев – появление уличных группировок, враждующих между собой. Об их намерениях свидетельствуют граффити, а также участившиеся стычки. Нередки случаи насилия среди подростков, кражи из салонов автомобилей, ограбления магазинов. В Медисоне задерживается в год около восемнадцать тысяч человек. Причиной задержания является так называемое *обоснованное подозрение*, возникшее у патрульного полицейского: чье-то неадекватное поведение, попытка насилия, драка и т.п. Причиной обоснованного подозрения может быть и попытка скрыться с глаз полицейского. Стараются разбираться на месте, следуя принципу: лучше отпустить, чем задержать необоснованно. Однако в следующий раз лучше не попадаться: информация накапливается и «работает» против того, кто привлек внимание полиции. По поводу обоснованного подозрения человека можно держать в участке до трех часов. После этого срока полицейский должен или отпустить задержанного, или подготовить *вероятное основание* для ареста. В этом случае человека продержат до 48 часов, но могут отпустить и под залог (от пятисот до тысячи долларов). После этого – или суд (за драки и т.п. назначают административный штраф), или (в серьезных случаях) *предварительное обвинение*, которое выдвигает прокурор. Тут уже грозит уголовная ответственность. Задача сыщиков – расследовать дело для передачи в суд. Американские порфирии петровичи не сильно отягощают себя погружением в глубины психологии правонарушителя. Они получают от прокурора перечень необходимых ему сведений и стараются их добыть. В этом

им помогает аналитическая машина правоохранительных органов: на основании анализа огромного количества преступлений выводятся алгоритмы, которые указывают наиболее вероятные версии случившегося. Но это только подсказка, не более. Все улики следователь, сыщик обязан найти сам (Лисса Шутц к месту добавляет: а мы, журналисты, стремимся найти ошибки в работе прокурора и следователя. Процесс «добычи» доказательств должен быть под контролем общественности). К тому времени я уже знал об инциденте, привлекшем внимание газеты «Wisconsin State Journal». В школе учащийся проявил агрессию по отношению к учительнице: он угрожал ей ножницами. Газета упрекала местную прокуратуру за то, что были упущены сроки возбуждения уголовного дела и наказания виновного. Прокуратура вяло отбивалась: не хватает сотрудников, не справляемся.

На мой вопрос о коррупции в рядах сотрудников полиции капитан Мэри Шаут ответила: такие факты бывают: взяточничество, избиения задержанных, причастность к торговле наркотиками. Именно ей такие явления знакомы, потому что до прихода сюда она служила в службе собственной безопасности полицейского управления. Служба это серьезная и компетентная. У нее свои возможности для сбора информации. Человек, однажды запятнавший мундир, недолго пробудет в полиции.

Через дорогу от полицейского управления – следственный изолятор и тюрьма для тех, кто получил сроки до полутора лет. Персонал исправительных заведений – сотрудники управления шерифа. В задачи управления входит конвоирование заключенных, а также исполнение полицейских функций в сельской местности. Нас встречает Карл Колкер, настоящий шериф из кинофильма: светло-коричневая форма, металлическая звезда на груди. Он знакомит нас со своим «хозяйством». Решетки во всю стену, знакомые нам по стольким голливудским кинофильмам – это далекое прошлое американской пенитенциарной системы. Мы увидели их только в старом здании тюрьмы, построенном в семидесятые годы. Сейчас типична другая картина: просторная общая камера, где размещаются человек тридцать заключенных. Надзиратель всегда находится среди них. У него своя застекленная кабинка, сквозь которую он обозревает территорию двух камер. Но в одну из них он свободно входит, а другая закрыта: там публика посерьезнее. Заключенные сидят за столиками, кто-то читает, кто-то играет в шашки. Все в одинаковых синих пижамах. Ряд двухъярусных, аккуратно застеленных нар. Благоустроенный большой туалет с отдельным входом. Обстановка – как в больнице.

Я спросил Карла Колкера: часто ли бывают случаи насилия среди заключенных? По информации управления шерифа, ответил он, криминальные группировки Медисона заключили между собой нечто вроде пакта о ненападении: в заключении никто никого не трогает. Впрочем, если это случается, всегда наготове изолятор, где в камерах-одиночках содержатся буйные, склонные к суициду (им выдают бумажную одежду, чтобы не смогли

покончить с собой), а также больные заразными заболеваниями. Я заглянул в окошко одной из камер и отшатнулся. Прямо на меня смотрели совершено безумные глаза молодого человека с длинными прядями слипшихся черных волос. Все его тело колотила мелкая дрожь. Он переживал не самый лучший момент в своей жизни: похмельный синдром или наркотическую «ломку». Пройдя несколько шагов, я попросил открыть какую-либо камеру, чтобы поговорить с заключенным. На пороге одиночки стоял сухопарый пожилой человек. Темную кожу его лица хорошо оттеняла плотная шапка седых волос на голове. Джон Крэйм попал в СИЗО за то, что, будучи в «подпитии», подрался на улице. Был задержан, помещен сюда (так просто в изолятор не помещают, подумалось мне). Но Джон Крейм был сама учтивость и выразил надежду, что за хорошее поведение его скоро отпустят. Позже, когда мы вышли из здания тюрьмы, Лисса Шутц спросила не без язвительности: а что же это Вы, коллега, не поинтересовались, как обращались в тюрьме с заключенным? На это я ответил Лизе английской поговоркой: «Не спрашивайте, и вам не соврут». Ну что мог ответить Джон Крейм на этот вопрос? Если у него и были основания пожаловаться, разве он сделал бы это в присутствии персонала тюрьмы? Я был, конечно, прав. Но американская правда оказалась несколько иного свойства. Оказывается, в момент нашего разговора все надзиратели… дружно заткнули уши. Я этого не мог видеть, поскольку все они находились за моей спиной. Их поведение истолковывалось просто: если бы заключенный сказал нечто такое, что могло его компрометировать, то их могли бы вызвать в суд в качестве свидетелей обвинения. Сказанное Джоном Креймом могло быть использовано против него, а свидетелями в суде надзирателям выступать не хотелось. Вот они и исключили себя из этого процесса. Как сказали мне позднее юристы, надзиратели продемонстрировали профессионализм и знание закона.

Рассказывая о системе правоохранительных органов США, я не пытаюсь дать полную картину. Это просто невозможно. Пишу о том, что видел и слышал сам, чему был свидетелем. На улицах американских городов полицейского увидишь почти всегда. Патрулирование на автомобилях, на велосипедах, охрана зданий – все это оказывает свое воздействие на уличную обстановку. В Вашингтоне вас смогут предупредить, что ниже (меньше) одиннадцатой стрит, например, лучше не появляться. Но я там был, и ничего особенного не заметил. Полицейские появляются иногда. Вежливые и предупредительные, они в мгновение ока могут превратиться в четко действующие машины, исполняющие свою задачу. Хотя свидетелем подобного оказываешься редко. Само присутствие полиции оказывает важное профилактическое воздействие. Да, поздним вечером, ночью встретишь группку молодых парней, фигуры которых сливаются со стенами домов. Они могут обратиться к тебе: не поможете ли мелочью, например. Но если твой вид свидетельствует о нежелании общаться – неизменное «Екскьюз ми». Группы подростков с пивом (а то и водкой) в руках, сквернословящие на глазах у прохожих – это явление, почти невозможное в Штатах. Меры будут приняты сразу, при самом активном содействии граждан.

Кстати, о пиве. На железнодорожном вокзале Нью-Йорка я решил проверить популярную у нас байку о том, что в Америке даже пива нельзя попить на улице. Зайдя в магазинчик и видя, что продавец сразу опускает банку «Туборга» в бумажный пакет, я дал ему понять, что это лишнее. У продавца округлились глаза и он заявил, что это никак невозможно: меня сразу оштрафуют, у него тоже будут неприятности. С этим пакетом я вышел в огромный зал ожидания и стал прогуливаться на виду у полицейского наряда. Служители порядка покосились на мой пакет: им было ясно, что там. Однако банка не выглядывала, я не оскорблял нравственность прохожих публичным распитием слабоалкогольного напитка. Все обошлось. Байка подтвердилась. Молодые люди при входе в ресторан, бар предъявляют удостоверение личности: до 21-го года вечером в таких заведениях им находиться нельзя, не говоря уж о распитии, даже пива. Самые строгие блюстители здесь – сами владельцы заведений, персонал: лицензию-то отнимут у них. Но и полиция присматривает, гласно и негласно.

Она нацелена на исполнение своих прямых, полицейских обязанностей и не используется как средство политической борьбы. Я видел пикет против войны в Ираке прямо у Белого Дома. Полицейский наряд стоял рядом и делал вид, что не замечает происходящего: граждане реализовывали свое право на протест. Но когда в сентябре 2001 года власти потребовали поголовной проверки лиц арабской национальности, полиция Медисона отказалась это делать. Отказалась и полиция университета (там свое подразделение). Полицейские хорошо знают не только свои обязанности, но и свои права. На все есть закон, а апостолом его выступает суд.

Следующий наш рассказ – о судебной системе Соединенных Штатов

Все в суд, все в суд!

В Соединенных Штатах Америки существует 55 судебных систем, и это не шутка.

Федеральная судебная система осуществляет единообразие исполнения законов на территории всей страны. Под юрисдикцию федеральных судов (которые есть в каждом штате), подпадают споры между штатами, исполнение федеральных законов, нарушения Конституции, важные торговые сделки, дела о банкротстве, преступления федеральных чиновников (или направленные против них), а также преступления, совершенные на территориях нескольких штатов. Впрочем, это не закрытый перечень, в федеральные суды могут попадать и другие дела. Все зависит от конкретных обстоятельств. Суды штатов решают дела, связанные с их законодательствами, нарушениями большинства федеральных законов и Конституции США. В стране нет особых

конституционных судов. Поскольку законодательства штатов отличаются, и весьма существенно, впору говорить о пятидесяти четырех судебных системах (50-ти штатов, округа Колумбия, Пуэрто-Рико и зависимых территорий). Например, в штатах Техас и Калифорния до сих пор применяется смертная казнь, а в штате Висконсин она запрещена. В большинстве штатов она не запрещена, но объявлен мораторий. В нескольких штатах (Юта, Колорадо и других) за диффамацию (оскорбление, клевету) в печати существует уголовная ответственность, но в большинстве штатов – только административное наказание, штраф.

Окончательным арбитром в исполнении федеральных законов является Верховный суд США. Он и создает те самые прецеденты, на которые опирается вся судебная система страны. Главным интерпретатором законов штата является Высший (или Верховный) суд штата. Подавляющее большинство судебных дел, более девяноста процентов, рассматриваются в этих судах.

При первом же знакомстве с судебной системой США бросается в глаза, что юрисдикция федеральных судов и судов штатов перекрещивается, накладывается одна на другую. На практике каждый суд может принимать к производству дела, затрагивающие как федеральное законодательство, так и законы штата. Иногда право слушания одного и того же дела может принадлежать сразу нескольким судам. В этом не видят ничего предосудительного (каков каламбур!). Государственное устройство страны базируется на ограниченных полномочиях федеральной власти и широкой власти штатов, на которую определяющее влияние оказывают уклад жизни, привычки, менталитет населения. Авторы американской Конституции испытывали небезосновательное недоверие ко всему государственному, отчужденному от человека. Разделяя таким образом сферы ответственности, они создавали системы «сдержек и противовесов», при которых никому не может принадлежать право окончательного, безаппеляционного решения. Суд независим, потому что включает в себя институт присяжных – типичных представителей общественности того штата, графства, округа, где проходит процесс. Во-вторых, при вынесении решения по вердикту присяжных, а также самостоятельного решения (что бывает довольно часто) судья абсолютно независим. Впрочем, и на его решение можно подать апелляцию в суд другой системы или инстанции и выиграть дело. Потому что другой судья не оглядывается на коллегу, а принимает самостоятельное решение.

Всегда есть средства защиты, противоядие от произвола. Это касается не только судов, но и всех сфер американской жизни. Система действует успешно и надежно вот уже более двухсот лет.

В рамках федерального законодательства и законодательства штатов действуют и специализированные суды, например, по делам несовершеннолетних. Суды по делам о бытовом насилии имеют специальную охрану, раздельные места для истцов и ответчиков, а также сеть

психологического консультирования и лечения. Семейные суды предоставляют услуги как отдельным лицам, так и всей семье. Здесь вопросы часто решаются «в пакете»: развод, раздел имущества, устройство детей, наследство и т.п. «Суды для решения проблем» возникли из-за недовольства судей, которым неоднократно приходилось судить одних и тех же людей за одни и те же преступления.

Суд – это вполне бытовое явление в Америке. Это обычный способ разрешения споров во всех сферах жизни – в быту, в коммерции, в общественной жизни. Здесь нет только одного – политики.

В большинстве случаев суд старается поначалу примирить позиции конфликтующих. Подавляющее число споров разрешается в результате переговоров между сторонами, а также посредничества нейтральных инстанций. В уголовных делах применяется такая уникальная процедура, как "заключение сделки о признании вины", или "согласованное признание вины". Подсудимый получает минимальное наказание, если признается в совершении менее тяжкого преступления. При этом суд не рассматривает обвинение в более тяжком. Такую практику часто критикуют, но она позволяет ускоренно рассматривать дела при исполнении главного условия: виновник наказан, приговор вынесен. В следующий раз тот же правонарушитель предстанет перед судом как рецидивист, что существенно осложнит его положение. Кроме того, общая направленность судопроизводства заключается не в том, чтобы «засудить» человека, а чтобы у него оставалась возможность осознать случившееся и исправиться.

Например, судья окружного суда графства Дэн в штате Висконсин Стюарт Шварц, который ведет дела о наркотиках, все время пересматривает их с учетом новых обстоятельств. Сначала дается испытательный срок. Если человек представляет надежные доказательства своего исправления, приговоры смягчаются: откладывается заключение под стражу, уменьшаются суммы штрафов. Если же выводы не сделаны, то судебная машина превращается в репрессивный механизм, заставляющий человека нести ответственность. Но у него всегда есть выбор.

Эд Трелевен, судебный репортер газеты «Wisconsin State Journal», начинает свой рабочий день ознакомлением с новыми исками, поступившими в окружной суд. Здесь же представлены ордера на обыск, выписанные по решениям судей на основании представлений полиции. В секретариате суда Эд получает также мотивировку обыска и протокол о его результатах. Все открыто, можно скопировать (по цене 1,25 доллара за страницу). Информация может закрываться от посторонних только по решению судьи. Обычно это касается коммерческих дел, бракоразводных процессов, установления отцовства и др.

В одном из залов окружного суда рассматривалось дело о дорожно-транспортном происшествии. Столкнулись два автомобиля, и водитель одного

из них, девушка, получила травму. Когда мы прошли туда, выступал адвокат потерпевшей, истицы. В центре зала стоял макет человеческого позвоночника, и адвокат доказывал нанесение ущерба здоровью его подзащитной. Сама она сидела на месте свидетеля и чуть позже стала отвечать на вопросы адвоката ответчика. Судья Роберт Шамбо и двенадцать присяжных внимательно наблюдали за происходящим. Публики было немного – человек тридцать. Обычная, рутинная работа суда.

Выйдя из зала, я поинтересовался у Эдда Трелевена, каким образом оплачиваются судебные издержки, ведь они значительны. Да, подтвердил он, стоимость услуг адвоката может составлять около ста долларов за час и выше. А ведь это консультации, составление документов, выступления в суде и т.д. Деньги набегают немалые. Часто эти расходы включаются в сумму иска и выплачиваются ответчиком. Впрочем, если выиграл не истец, а ответчик, он может подать иск о компенсации своих расходов и взыскании их с истца. А это опять процесс… В том случае, которому мы были свидетелями, сумма иска составляла около тридцати тысяч долларов. Кто заплатит эти деньги? В этом случае проблем нет, пояснил мне репортер. Оба адвоката представлены страховыми компаниями автовладельцев. В сущности, здесь сражались две страховки. Сумму компенсации, назначенную истицей (или меньшую, как решит суд) оплатит страховая компания ответчика. А что делать в тех случаях, когда у пострадавшего человека нет средств на оплату услуг адвоката? – поинтересовался я. А вот мы адвоката и спросим, ответил Эд, окликая кого-то. Дэвид Менделл, полнокровный, энергичный мужчина лет сорока пяти, живо отреагировал: «О, Вы из Беларуси? А мои предки – выходцы из Одессы».

Дэвид охотно рассказал о своей работе. У него - частная адвокатская контора. Он – член коллегии адвокатов. В основном берет дела о недвижимости, коммерческие сделки, контракты. Коллегия всегда настоятельно рекомендует брать дела бедных людей и помогать им бесплатно. Конечно, ссориться с коллегией не хочется. Кроме того, попадаются действительно интересные дела, о которых пишет пресса (он кивнул в сторону Эдда Трелевена), процессы показывают по телевизору. Нельзя забывать и о том, что существует управление государственного защитника, которое предоставляет штатных адвокатов тем, кто не имеет никаких возможностей оплатить его услуги. Конкуренция в нашей профессии ощутимая, репутация у клиентов зарабатывается количеством выигранных дел. Если бы я получал деньги от всех клиентов, которых защищаю, то, наверное, давно бы имел два «Ягуара», улыбнулся Дэвид.

По его мнению, на американцев в последние годы нашла какая-то эпидемия сутяжничества. Все хотят судиться. Чуть что – «я тебя засужу!» Самая страшная угроза, после которой только кулаками махать – это реплика из голливудских фильмов: «Встретимся в суде!».

Кое-что об «ужасах капитализма» в американской глубинке

Центральная часть Нью-Йорка – остров Манхеттен. Название индейское. В свое время голландцы взяли остров в аренду у могикан всего за 24 доллара. Голландцы предлагали больше, но продавать землю индейцы отказались: они считали ее своей матерью, а мать продавать нельзя. А в аренду, выходит, можно. В этом смысле те, кто бережет «родную землю» от пришествия «иноземных» капиталистов – последние могикане. Этот взгляд идет от общинного владения землей. На самом деле хозяин у нее есть всегда. У нас «общенародным» достоянием распоряжаются те, кто не уплатил за него ни одного рубля.

Земли в штате Висконсин – плодородные холмистые прерии, поросшие редкими лиственными лесами. На Западе есть государственные территории, уступленные в свое время по договорам федерального правительства с индейцами. Там расположены резервации, национальные парки. Здесь же, вокруг Медисона, до Милуоки и дальше – частные земельные владения. Земли частные, но использование их целевое - или под ведение сельского хозяйства, или под застройку. Здесь тоже немало охотников возвести коттеджи на сельхозугодиях, однако сделать этого нельзя без «перезонирования» - специального решения муниципалитета графства, общины, где расположены те или иные участки. Законодательное собрание штата стремится провести законы, по которым оно имело бы право распоряжаться землей, но наталкивается на сопротивление тех, кто на ней живет – сельского населения. Впрочем, часто оно и соглашается, потому что застройщики предлагают гораздо более высокие цены. Не обходится и без фактов коррупции. В обсуждении проблемы активно участвует пресса. Я это рассказываю для того, чтобы яснее представлялся механизм американской стабильности: это не мертвое стояние, а постоянное движение.

В сельском хозяйстве США занято всего 2 процента населения, и это с перерабатывающей промышленностью. Висконсин издавна называют «молочной страной», на автомобильных номерах так и пишут: «Dairyland». Условия для молочного животноводства здесь идеальные. К тому же выходцы из Швейцарии, которые живут здесь около двухсот лет, не растеряли традиций изготовления настоящих, «фирменных» швейцарских сыров.

Фермер Брайан Вегле специализируется на выращивании швейцарских бежевых коров, производстве молока, растениеводстве. Владельцами фермы являются 46-летний Брайан, его мама и брат Джим. Начало семейному бизнесу было положено в 1854 году, когда по закону о гомстедах семья Вегле, выходцы из Швейцарии, получили первые 150 гектаров земли. Сейчас в собственности – 400 гектаров сельхозугодий, еще 600 гектаров арендуются. Работы хватает,

особенно если учесть, что, кроме Брайана и Джима, на ферме работает всего три наемных рабочих на полный день и трое – на неполный.

Когда мы приехали туда, шла вывозка органических удобрений на поля: приближалась весна, горячая пора для каждого крестьянина. Брайан встретил нас в рабочей куртке, свитере, резиновых сапогах. Вместе мы пошли осматривать его владения.

Часть посевных площадей отводится под кукурузу, люцерну, сою. Вместе с лугами и пастбищами эти культуры составляют прекрасную кормовую базу для молочного поголовья в 115 голов. Каждая дойная корова в сутки потребляет в среднем около 25 килограммов кормов, а молока отдает 35-40 килограммов. Рационы тщательно сбалансированы, их помогали составлять ученые, фермер тщательно соблюдает рекомендации. Ежемесячно диетологи подвергают корма анализу: насколько они полноценны. Молоко от каждой коровы тоже тестируется по единой государственной формуле. Фермерам это необходимо: платят не только за количество сданного молока, но и за его качество. Вот Рози, любимица Брайана. Дает больше 20-ти тысяч килограммов молока в год, но по протеину и жирности оно не самое лучшее. Ведутся компьютерные карточки на каждое животное, чтобы отслеживать лучший генотип. Кроме бычков и телок, которых реализуется 50-60 в год, Брайан Вегле торгует еще и… эмбрионами высокопродуктивных животных. Он достает бидон, приоткрывает крышку, из-под которой пополз белый дым. Жидкий азот. В глубокой заморозке содержатся эмбрионы животных, которые скоро будут отправлены покупателям в Аргентину, Бразилию, Мексику, Канаду. Средняя стоимость хорошего эмбриона – 400-500 долларов, иногда доходит до двух тысяч. Но забот очень много: это тонкие технологии. Все нужно делать очень тщательно. Для того чтобы реализация эмбрионов росла (а она уже сейчас идет на сотни в год), необходимо тщательно следить за каждым животным, отбирать наиболее продуктивных, в сущности, проводить селекцию. В этом Брайану помогают ученые сельскохозяйственного факультета университета штата Висконсин. Все необходимые операции делает специалист-ветеринар.

Может, кому-то не совсем интересны эти подробности сельскохозяйственного производства на отдельно взятой американской ферме. Впрочем, тот, кто занимается животноводством, с интересом прочитает эти строки. Мне же хотелось показать, что труд на земле никогда не бывает легким. Рентабельность фермы Брайана Вегле составляет всего… несколько процентов. А тут еще новый, современный коровник построил, кредит брать пришлось. Американские производители животноводческой продукции испытывают сильную конкуренцию со стороны латиноамериканских фермеров, у которых продукция в силу ряда причин дешевле. Однако правительство США не закрывает внутренний рынок, предпочитая субсидировать отечественного производителя. Если бы не государственные субсидии, пришлось бы по-настоящему туго. Субсидируется выращивание кукурузы, зерновых (озимая

пшеница), производство молока. В те годы, когда оптовые цены на молоко падают, субсидии составляют всю выручку фермера. В этих условиях единственный выход – укрупнение хозяйства, удешевление продукции. Вдоль дорог штата Висконсин мы видели немало заколоченных домов: мелкие фермы разоряются и продают недвижимость. Но Брайан за свою держится и даже расширяет хозяйство. Хотя приходится нелегко.

Брайан Вегле выглядел уставшим. Чтобы приободрить его, я сказал: несмотря ни на что, выглядит он неплохо. Мужчина в самом расцвете сил. Брайан отреагировал мгновенно: «Пойду, сообщу об этом моей жене. Она, наверное, обрадуется». Посмеявшись, мы расстались.

Будущим живет и другой человек, с которым познакомились в тот же день. 51-летний Брус Воркман купил сыроваренный завод с целью возрождения производства в штате Висконсин элитных швейцарских сыров. Его судьба, судьба его любимого дела – пример личной готовности к риску и в то же время поддержки малого и среднего бизнеса обществом и государством.

Сам из Техаса, Брус Воркман родился в семье… священника. Окончил специальную школу, в 1972 году получил лицензию сыровара. Долгое время работал в кооперативах, потом сам купил сыроварню. Приобрел необходимый опыт, связи и авторитет в профессиональной среде графства Грин. И, наконец, решился приобрести этот завод, который находился в довольно плохом состоянии. На его восстановление и ремонт пришлось брать кредиты и запрашивать гранты. Как всегда, реальные затраты оказались выше, чем предполагалось: вместо полумиллиона долларов на реконструкцию пришлось отдать 1,2 миллиона. Истрачены личные сбережения, заложен дом. «Моя душа сейчас лежит в банке», - улыбается Брус. Хотя шутка не очень веселая: жизнь Бруса действительно застрахована на сумму, больше той, что он должен по кредитам.

Но сейчас, слава Богу, производство запущено. Это дало возможность запросить гранты штата и графства под открытие новых рабочих мест, под установку числового программного управления для современного оборудования, приобретенного в Швейцарии.

Вместе с Брусом Воркманом мы прошли по всей технологической цепочке изготовления уникальных швейцарских сыров. Ежедневно сюда поступает 25 тонн молока. Все оно проходит тщательный анализ. Если обнаружены антибиотики, все возвращают фермеру-поставщику. В производстве сыра применяются восемь видов сертифицированных грибков, изготавливается восемь довольно редких сортов сыра. Производство безотходное. Сыворотку поставляют на другие предприятия для производства биодобавок, витаминов, а также на кондитерские фабрики.

Основой бизнес-плана Бруса Воркмана является изготовление уникальных сортов сыра. Его завод – единственное предприятие в США, где

изготавливается сыр «Эмменталь». Кроме того, высокую рентабельность обещает производство обезжиренных сыров высокого качества. Когда предприятие открывали, это был настоящий праздник для всей местной общины. Первый сыр, как и положено, вышел комом. Действительно, самый первый круг весом килограммов в сто двадцать, оказался каким-то скособоченным. Он и сейчас лежит на складе, вызревает среди десятков ровных и красивых сыров Бруса Воркмана.

Сам производитель не имеет права реализовывать свою продукцию. Ассоциация сыроваров штата Висконсин нашла ему дилеров, которые продвигают продукцию завода на рынке. Поскольку сыры Бруса Воркмана – экзотические, он может устанавливать эксклюзивные цены. Хотя, по его расчетам, до рентабельности - не менее семи лет, и это при том, что через пять лет объемы производства удвоятся. Со временем здесь будут производить около пяти тонн сыров в сутки. Конкуренты тоже не дремлют: в пяти километрах отсюда, на таком же заводике производят знаменитый швейцарский сыр «Лимбург».

В это, можно сказать, отчаянное предприятие с ним пошли шесть человек, старые друзья, классные специалисты, с которыми не один год отпахали на сыроварнях. Все сидят на низких зарплатах. А Брус, как хозяин предприятия, очень переживает из-за того, что пока не может выплачивать за своих рабочих медицинскую страховку. Но все живут будущим и надеются на лучшее. Вот и первый успех: швейцарское консульство в Чикаго недавно заказало партию их сыра. А пока Брус Воркман днюет и ночует на своем заводе. В буквальном смысле: работы столько, что уезжать домой нет времени: смена начинается в полночь и заканчивается в 10.30 утра. А днем – совсем другие заботы. Вот и живет Брус возле своего завода, хотя дома – жена и шестеро (!) детей.

Ужасы «капитализма», да и только!

…**Пусть меня научат**

С первого дня пребывания в США обращаешь внимание, как легко и просто общаются американцы. Они не зажаты, естественны, контактны. Идет ли речь о простом разговоре в метро, на улице или об интервью корреспонденту, внезапно вынырнувшему из-за угла со своим микрофоном наготове. Я немало видел таких ситуаций на улицах Вашингтона и Нью-Йорка. При этом разговор может идти о чем угодно: о книгах, о политике, о работе, о детях и т.д. Американцы всегда очень включены во все, что происходит вокруг. Никто не строит из себя профессора, но ясно, доходчиво и грамотно умеет выражаться почти каждый.

Это умение закладывается в школе.

Маленький американец попадает сюда с пяти лет, неважно в какую – муниципальную (бесплатную) или частную. Главной задачей преподавателей в нулевом классе является изучение индивидуальности малыша, максимальное выявление его способностей. Если ребенок запаздывает в развитии, никто не гонит в шею. Например, к шести годам обучаются читать около половины детей. Остальные занимаются по усиленной программе, подобранной индивидуально. В начально-средней школе «Тропа Сауков» (индейское племя, жившее здесь когда-то) в городке Мидлтон мы попали на маленький праздник: семилетний малыш прочитал свою двадцать пятую книжку. Какие это были книжки, не важно. У него был маленький праздник. Учительница и воспитательницы принесли пирог, и герой дня угощал всех.

Начальное образование имеет здесь свою специфику: много детей-иммигрантов, не очень хорошо владеющих английским. К шести годам (то есть, за год обучения) английский становится родным языком для большинства ребятишек. В экскурсии по школе нас сопровождали восьмилетняя Оля из Минска и десятилетний Никита из Москвы. Ребята одинаково хорошо владели двумя языками: и русским, и английским. Ребята с задержкой умственного развития занимаются в отдельных группах, по особой программе. Хорошо оправдывает себя «шефство» старших над младшими: и те, и другие учатся общаться, находить взаимопонимание.

Описывать оснащенность муниципальной школы в Мидлтоне бесполезно: придется потратить слишком много газетной площади. Ограничусь главным: поражает уют и домашняя обстановка, в которой проходит учебный процесс. В младших классах детей окружают игрушки, яркие панно, живопись. Везде какие-то стенгазеты, детские рисунки, драпировки, гирлянды. Все ярко, цветасто, разнообразно. Ни одной унылой, мрачной стены. Может быть, с этого начинается формирование мироощущения ребенка? Мне вспомнились бессмертные: «белый верх, черный низ» - указания районо о форме одежды в наших школах. Это было и тогда, когда учился я, и когда учились мои дети.

Комнаты, в которых обитают малыши, «учебным помещением» не назовешь. Никакой строгости и ранжира. Даже в средних классах стулья расставлены вокруг преподавателя, и он ведет с учениками разговор тихо, неторопливо. У них беседа. Малыши могут заниматься, сидя за столиками, лежа на полу, самостоятельно или окружив учительницу. Материал она старается подавать ярко, предметно, эмоционально. Когда из соседнего класса позвали учительницу Крис Сойер, она пришла, увешанная гирляндами ярких цветов и с подносом, на котором лежали диковинные тропические фрукты: «Сегодня у нас – день гавайской культуры». В другом классе я увидел целую выставку вырезок из бумаги. «Wycinanki», - значилось в этом разделе, посвященном польской (!) культуре.

Особую роль в начальном (да и среднем) образовании в США играют музеи. Они есть в каждом крупном (и не очень) городе страны. Сокровищницу

представляют собой учреждения Смитсоновского института – пятнадцать бесплатных музеев, тринадцать из которых находятся в Вашингтоне, а два – в Нью-Йорке. В музее американской истории, например, можно увидеть первые машинки для подсчета голосов на выборах (основа американской демократии!), услышать песенку маленькой негритянской девочки-рабыни, зайти в хижину дяди Тома, поднять тяжелое ведро итальянской прачки-иммигрантки, проехать в автобусе тридцатых годов века минувшего с пассажирами того же времени, провести физические и химические опыты, спаять несложную радиосхему, постоять на капитанском мостике авианосца «Ентерпрайз» и поруководить заходом истребителей на посадку, рассмотреть настоящие наряды жен президентов США, побалдеть под ритмы Дюка Эллингтона или Элвиса Пресли, а на выходе из музея отправить открытку с настоящей почты Дикого Запада. В музее аэронавтики и космонавтики вы можете зайти в кабину космической обсерватории «Скайлэб», заглянуть в домик братьев Райт, посидеть в настоящем «Дугласе» 30-х годов, посмотреть в телескоп на Луну, состыковать на орбите межпланетную станцию, провести опыты, подтверждающие подъемную силу крыла. В музее естественной истории можно опуститься в морские глубины доисторического периода, попасть в джунгли и попытаться разгадать, кто это там так жутко кричит в ночи. Везде кинозалы, тренажеры, постановочные эффекты, пробуждающие воображение. Все музеи интерактивные, хорошо продуманные, бесконечно увлекательные. В них интересно человеку любого возраста. В них приходят семьями и пропадают на целый день.

В музеи водят по учебной программе. Одна такая группка девчонок-скаутов привлекала мое внимание в музее истории штата Висконсин в городе Медисон. Девчушкам лет 10-11 рассказывали о движении суфражисток – борцов за гражданские права женщин в конце 19-го - начале 20-го века. Как ни странно, эта тема заинтересовала американских школьниц. Они задавали массу вопросов. Но одна из них сразила меня своей «продвинутостью». Она строго спросила учительницу: а разрешалось ли тем бедным женщинам столетней давности… иметь собственность? Ее успокоили: разрешалось. Но голосовать, а тем более выдвигаться они права не имели. Какое безобразие! (Впрочем, эта ирония могла бы мне дорого обойтись в США. Традиции суфражистско-феминистических движений проявляются сегодня в деятельности мощных и влиятельных женских организаций).

Закончив среднюю школу, американские мальчишки и девчонки попадают в хай-скул, где учатся с 9 по 12 классы. Директор такой школы в Мидлтоне Том Вандервест ведет нас по своему школьному городку. Школа действительно гигантская, в ней занимаются почти две тысячи учеников. Классы, лаборатории, бассейны (куда ходят на сеансы и жители города), тренажерные залы, столовые, студии звукозаписи, кабинет обучения сурдопереводу, телестудия (школьные телепередачи показывают по кабельному городскому каналу). Есть даже

специальный класс для компьютерной музыкальной композиции, с выводом нотной графики на большой экран. Излишне говорить, что классы и лаборатории просто набиты компьютерной техникой. Впрочем, есть здесь и свой маленький… полицейский участок, где дежурит офицер при полной амуниции, с оружием. Он и охранник, он и блюститель порядка. Повсюду установлено видеонаблюдение.

Я понимал, что эта школа не совсем типичная, есть и победнее. Но меня интересовала организация учебного процесса, а также его финансирование. Как сказал Том Вандервест, главная задача всего педагогического коллектива – сохранить универсальность подготовки. Прежде всего, стараются развивать производственное обучение по сложившимся специальностям – музыка, изобразительное искусство, педагогика (воспитатели детских садов), дерево- и металлообработка. После окончания школы выпускники могут поступать в университеты (таких обычно не менее 75 процентов), в колледжи на двухгодичную программу, после которой опять же, в университеты. Могут сразу идти работать, а кто хочет – в армию. Базовое, «операционное» финансирование школы составляет около 400 тысяч долларов в год. И это без фонда зарплаты педколлектива и обслуживающего персонала, которые получают зарплату в отделе образования графства, то есть, из бюджетов штата и федерального. Зарплата учителя высокой квалификации составляет около 50 тысяч долларов в год, чуть ниже средней для этих мест. Штат учителей – 145 человек и 30 методистов. Плюс обслуживающий персонал, секретари, работники пищеблока.

Вы будете смеяться, но денег все равно не хватает! Школа содержит 24 спортивные команды (форма, тренировки, поездки, соревнования), что обходится в 400 тысяч в год. Духовой оркестр, струнный оркестр, симфонический оркестр, хор («Скоро поедем выступать в Нью-Йорк»). 17 клубов по интересам. Например, клуб юных криминалистов посещают всего четыре человека, обходится это в 10 тысяч в год (без зарплаты преподавателя), но он действует! И это уже не бюджетные средства.

Откуда же деньги? Вестимо, от населения, то есть, родителей. Все ключевые решения принимают студенческий совет и Сенат школы. При каждой спортивной команде, оркестре, хоре, клубе есть свой родительский совет, который собирает деньги на то, чтобы любимые чада могли отдаваться своим (и родительским, наверное) увлечениям. Апофеозом такой деятельности стало строительство школьного театра на девятьсот мест, обошедшегося в девять миллионов долларов. Для того чтобы собрать такие деньги, пришлось проводить местный референдум. На то, чтобы он увенчался успехом, пришлось потратить семь лет: многие не понимали, для чего им платить дополнительные налоги на образование. Но сейчас все гордятся своим театром, где проходят все важные городские праздники.

Школа, что и говорить, не совсем типичная. Но другой нет: она единственная

хай-скул в округе. В этой школе вырастает все молодое поколение Мидлтона.

А вот муниципальный технический колледж в Медисоне, столице штата Висконсин – типичное учебное заведение такого рода. Колледж готовит по 113 специальностям, в основном, массовых профессий производств и сферы обслуживания. Одна из ведущих – полиграфия (третье место по величине сектора занятости в штате). Вступительные экзамены для поступления в муниципальный колледж сдавать не требуется. Плата за обучение тоже сравнительно невысокая - шесть с половиной тысяч в год. Два года в колледже могут быть зачтены как первые годы обучения в университете, что обходится гораздо дешевле.

Общенациональных университетских программ обучения в США нет. Каждый университет или колледж предлагает свои, независимые учебные программы. Студент набирает необходимое количество «зачетов», которое дает ему право на диплом, но сам набор дисциплин и сроки обучения зависят только от него самого. Такая, студийная система образования возлагает на студента индивидуальную ответственность. Дипломная работа выполняется коллективно и носит практический, прикладной характер. Студенты обязаны сами найти заказчика или спонсора своей разработки. Заказчиками выступают фирмы, корпорации, учебные заведения, музеи. Нередко они и становятся первыми работодателями выпускника университета или колледжа. Как рассказала мне президент муниципального технического колледжа в Медисоне Бетти Бархорст, у них хорошие связи с промышленниками, общественными отраслевыми ассоциациями, которым они предлагают своих выпускников.

Образованность, и не формальная, а фактическая – обязательное условие успеха в Америке. Для того чтобы стать экономически независимым, нужно быть действительно знающим и умелым человеком.

Здоровье дороже всего

Это расхожее выражение в Америке имеет буквальный смысл. В США на здравоохранение расходуется около 16% валового внутреннего продукта. Для сравнения, в Западной Европе – около шести. Добавим, что весомость каждого процента американской экономики и любой из европейских стран просто несопоставима. Впечатляет также динамика роста затрат. Если в 2000 году они составляли около одного триллиона долларов, то в 2004 - астрономическую сумму в полтора триллионов долларов. В пересчете на душу населения это составляет более пятидесяти тысяч долларов, хотя от штата к штату цифры различаются.

Однако и этого мало.

Медицина в США год от года становится все более наукоемкой и дорогой:

вкладываются огромные инвестиции в медицинские исследования, промышленность, фармацевтику. Это приводит к росту стоимости диагностики, обслуживания, медикаментов. Подорожали страховые медицинские полисы, которые оплачиваются как работодателями, так и наемными работниками.

С другой стороны, непрерывно улучшается качество медобслуживания, применяются передовые технологии лечения. Это сказывается, конечно. Сейчас средняя продолжительность жизни американского мужчины – 78 лет, женщины – 79. Уровень возрастной смертности варьируется в зависимости от национальности и пола. Самая низкая смертность у женщин азиатских народностей, а самая высокая - у чернокожих мужчин. Они живут на десять лет меньше, чем белые женщины. В этих цифрах кроются причины сложных социально-демографических процессов.

Об этом мы беседуем со старшим аналитиком администрации университетской больницы города Медисона Правином Джеякамаром, выходцем из Индии. Мы идем нескончаемыми больничными коридорами, минуя палаты, диагностические лаборатории, приемные. Клиника огромная и хорошо оснащенная. Тенденция последних лет: в дизайне больничных помещений как можно меньше деталей напоминает человеку, что он находится в лечебном учреждении. В отделке применяется дерево, строятся небольшие дворики с зеленью и фонтанами. Стены увешаны картинами, звучит тихая музыка.

В типичной терапевтической палате царствует – нет, не больничная кровать, а сложное техническое сооружение, способное исполнять любое пожелание больного и медсестры. Конечно же, в палате она только одна. В новом корпусе, строительство которого завершается, средняя площадь индивидуальной палаты - около сорока квадратных метров. Отделение реанимации вообще напоминает декорацию из научно-фантастического фильма: в центре большого зала – огромный пульт со множеством приборов, а по периметру – отдельные палаты-кабины, где за стеклом лежат тяжелые больные, опутанные датчиками и проводами. Здесь – особый уход и особая ответственность: идет борьба за жизнь человека. На каждого больного приходится по одному, а то и по два врача.

Люди даже не представляют себе, во сколько обходится их лечение, продолжает мой спутник. Мы как раз в этот момент оказались в отделении женской онкологии. Прибор для глубинного исследования молочной железы стоит 12 миллионов долларов, а каждая процедура - $2300. Тем не менее около семидесяти процентов женщин, кому за сорок, ежегодно делают это обследование. Через пару недель в отделении устанавливают оборудование для трехмерного УЗИ. Если страшный диагноз подтверждается, от больного это не скрывают, но, помимо интенсивного лечения, оказывают психологическую помощь. За последние 82 месяца подверглось лечению 1130 пациенток. Только в одном проценте случаев наблюдалась регенерация раковых клеток.

Университетская клиника в Медисоне - лидер по трансплантации органов, их здесь стали пересаживать пятьдесят лет назад. Но это самые дорогие операции.

Удорожание лечения, а также повышение его эффективности привели к тому, что за последние годы значительно сократился средний срок пребывания в стационаре. Если десять лет назад он составлял около двух недель, то теперь – не больше 5-6 дней. На роды отводится всего 48 часов. В отделении травматологии я увидел мужчину, который уходил из клиники на своих-двоих, сопровождаемый женой и дочерью. Когда мне сказали, что вчера этот человек поступил с выпадением межпозвоночного диска, я, конечно, не поверил. Но веселые и энергичные операционные сестры (они во всех клиниках одинаковые), смеясь, подтвердили мне это. Обычно, сказали они, пациент с таким диагнозом выписывается… через два часа после поступления. А с этим больным были сложности, вот он и задержался на сутки. Так случилось, что вечером того же дня я оказался в гостях в семье, где сын хозяев, молодой парень, накануне перенес точно такую же операцию. К вечеру он был дома. Тут уж я поверил.

Рост качества медицинских услуг не заслоняет главной нашей проблемы, продолжает рассказывать Правин Джеякамар. Она заключается в том, что большое количество людей не имеют возможность получить квалифицированное медицинское обслуживание. В Штатах около сорока шести миллионов человек по разным причинам не имеет медицинской страховки. Чаще всего это работающие люди, но наниматели не оплачивают им медстраховку. В то же время они не подпадают под действие правительственных программ для бедных и пожилых людей.

Университетская клиника Медисона, как клиника первой категории, универсальная, оказывает медпомощь всем пришедшим сюда. Например, в прошлом году оказано на 12 миллионов долларов услуг тем, кто пришел без медицинской страховки. Как это происходит? Человек плохо себя почувствовал, пришел в пункт скорой помощи, там восемнадцать мест. Если что-то серьезное, ему делают операцию, все, что положено. Конечно, это стоит денег. Но это проблемы, которые потом администрация клиники решает с властями штата, в муниципалитете города.

Отчасти тот колоссальный бюджет, о котором говорилось выше, идет на выплату государственных страховых медицинских пособий для малоимущих людей.

Существуют две основные правительственные программы, призванные снять остроту проблемы: «Медикейт» и «Медикер».

По программе «Медикейт» страхуют преимущественно женщин и детей из бедных семей. Кроме того, по этой программе оплачивается пребывание в домах престарелых для тех, кто не может обходиться без постоянного ухода. Поскольку затраты на содержание одного человека в доме престарелых

довольно высоки (до 100 долларов в день), львиная доля средств по программе «Медикейт» уходит именно на эти цели. Примерно половина этой программы финансируется из федерального бюджета. Остальное – из бюджетов штатов. Чтобы получить федеральную «долю», каждый штат должен представить свой план предоставления медицинских услуг, после утверждения которого осуществляется финансирование.

По программе «Медикер» осуществляется страхование всех американцев старше 65 лет, а также тех, кто приближается к этому возрасту, но уже имеет серьезные заболевания. Эта программа частично финансируется за счет налога на всех работающих. Какую-то часть этого налога платит работающий, какую-то – работодатель.

Предприниматели вводят премиальные выплаты для тех, кто реже обращается к врачам. Следить за своим здоровьем становится выгодным делом.

За последние пятнадцать-двадцать лет центр тяжести в обслуживании нуждающихся людей перемещается из больниц (стационары очень дороги) в поликлиники, пункты скорой помощи, дома престарелых. Все шире применяется оказание медицинской помощи на дому. Обслуживать могут и независимые врачи. Но услуги медсестер, физиотерапевтов, анестезиологов оплачиваются по счетам больниц.

В любом случае, существует выбор возможностей для того чтобы поддерживать свое здоровье. Но, как и везде, его ухудшение становится серьезной проблемой для человека.

Мы отвечаем за все

«Правительство, которое правит меньше всего,
правит лучше всего»
Томас Джефферсон,
третий президент США,
один из авторов американской Конституции

На территории одной из средних школ Медисона произошел вопиющий случай. Полицейский, следуя «наводке» из участка, преследовал подростка. Подросток убегал, сопротивлялся, и полицейский применил электрошокер. Позже выяснилось, что подозрение было необоснованным, но мальчишка серьезно пострадал. Это возмутило общественность города и штата. В инцидент вцепилась газета «Wisconsin State Journal», где я в то время проходил стажировку.

Нелишне будет заметить, что само слово «Police» происходит от

древнегреческого «Полис», то есть город. Полиция подчиняется только городским властям, которые, находятся под полным контролем общественности.

В Соединенных Штатах «общественность» - это совсем не абстрактное понятие. 76% женщин и 63% мужчин постоянно участвуют в общественных мероприятиях, которые проводятся в их районе или населенном пункте. Например, при мэрии Медисона действуют почти… тысяча общественных советов, в которых обсуждаются все городские проблемы: архитектура и строительство, экология, содержание парков, использование велосипедов, надзор за деятельностью правоохранительных органов. Муниципалитет принимает решения, опираясь на мнение горожан. Они же контролируют исполнение. Бедный мэр, ему не позавидуешь!

В общем, конфликт разгорелся нешуточный. Полицейское начальство было вызвано на городское собрание. От его решений зависело принятие закона о применении электрошокеров в Медисоне. Население тревожило, что полиция будет слишком вольно пользоваться этим средством при задержании правонарушителей, а также применять его в недозволенных целях, например, при получении признания. На следующий день я встретил Лиссу Шутц, полицейского репортера газеты. Она с возмущением рассказала мне, что полиция набила своими людьми в штатском весь зал, где проходило собрание. Их целью было создать «общественное мнение» по злободневному вопросу. «Но ведь копов всегда видно, даже если они переодетые», - возмущалась Лисса, направляясь к своему компьютеру, чтобы засесть за статью по этому поводу. Исход дела неясен. Скорее всего, электрошокеры в полиции Медисона запретят.

Таких примеров влияния общественности на законы и органы власти можно привести множество. Например, главного судебного медицинского эксперта штата Висконсин и города Медисон здесь не назначают, как во всей Америке, а выбирают. Мне объяснили, что подобные «особенности» явно говорят: был какой-то инцидент (в данном случае, наверное, подтасовка результатов экспертизы). Это возмутило общественность, и вот результат, закрепленный законодательно.

В штате Кентукки – на родине знаменитого кукурузного виски «Бурбон» в некоторых графствах (районах) введен… сухой закон. Хочешь выпить – дуй миль за тридцать-сорок в соседнее графство. Видимо, пьяницы «достали» местное население, и оно «продавило» соответствующее решение. Конечно, полиция всегда на страже принятого закона, а то и ей попадет…

Вот это право на протест в рамках закона поражает больше всего в Америке. Можно сказать, что здесь все время идет революция, в которой граждане добиваются защиты своих прав. Власти не только не препятствуют этому, но, в соответствии с Конституцией, всячески способствуют. В Основном законе заложены не только принципы демократии, но и гарантии их практической реализации. Все стараются жить так, чтобы их права были защищены, чтобы жизнь была устроена по уму и справедливости. И если в разных штатах об этом

разные понятия, значит, и законодательство будет отличаться.

Конечно, это усложняет жизнь. Как только вы всерьез возьметесь встраивать в систему государственного управления права человека, все усложнится неимоверно. Потому что принципов и механизмов возникнет чрезвычайное множество.

Наше общество устроено «попроще», по одному принципу: власть всегда права.

Здесь же она выступает партнером населения, равноправным участником социального управления. Например, стандарты на промышленную продукцию массового потребления разрабатываются с участием профильных общественных организаций. Стандарты утверждаются государственными органами, а вот их соблюдение – часто забота самой общественности. Она - самый лучший контролер: кому хочется приобретать некачественные товары? Все конфликтные ситуации разрешаются в суде. В Медисоне действует общественная организация «За честный труд». Специальная маркировка, которую наносит на разные товары эта организация, говорят покупателю, что товар произведен без нарушений социальных прав наемных работников. Под нажимом экологических общественных движений в штате Висконсин принят закон: все газеты не менее чем на 32 процента должны печататься на вторичной бумаге. И химический состав красок должен быть не вредный для читателей. Раз закон принят, его надо исполнять. Инспекционные проверки типографий проводятся внезапно, иногда по звонку «доброжелателей».

В небольшом городке Мидлтон провели местный референдум: нужно было увеличить налоги для содержания муниципальных, бесплатных школ, а также собрать средства на строительство театра для центральной школы городка. Все эти средства поступили в бюджет. В результате город имеет хорошо оснащенные школы и лучший театр в округе стоимостью девять миллионов долларов. Излишне говорить, что расходование бюджетных средств находится под пристальным вниманием общественных организаций.

Медисон располагается на территории графства Дэн штата Висконсин. Ведущие позиции в мэрии занимает радикальная левая партия «Прогрессивный Дэн», которая потеснила здесь все остальные политические силы. Благодаря ей за последние полтора года была поднята ставка минимальной оплаты труда – с 5,15 доллара за час до 7, 75 долларов. Также усилиями «Прогрессивного Дэна» принят закон, по которому не менее 15% частного жилого фонда города отводится под жилье для малоимущих. Однако не вся общественность приняла такие новации с восторгом. При проектировании нового благоустроенного района в центре города состоятельные люди выступили с открытым протестом против того, чтобы их соседями были пожарный, медсестра из университетской клиники, учительница – то есть «бюджетники», доходы которых составляют менее 80% от средних по городу – 59 тысяч долларов в год. В этой ситуации газета «Wisconsin State Journal» предоставляла страницы для изложения

различных точек зрения, стремилась привести полярные позиции к какому-то консенсусу. Будет ли он достигнут – тоже неизвестно. Как всегда, исход дела решит большинство голосов, отданных теми, кто сознательно и свободно принимает свои решения.

Люди могут быть эгоистичными и гуманными в одно и то же время. Мы уже рассказывали о неблагополучном районе Медисона Allied Drive, где процветали преступность, наркомания и проституция. После статей в «Wisconsin State Journal» та же общественность не только собрала сто тысяч долларов на реконструкцию района, но и провела через муниципалитет решения об усилении социальных программ, о разбивке парка, строительстве физкультурно-оздоровительного центра. На все это было выделено три с половиной миллиона долларов. Здесь важно подчеркнуть: эти деньги поступают из бюджета города, то есть от налогоплательщиков. Но сами налогоплательщики и приняли это решение через механизмы представительной демократии. К бюджетным деньгам здесь никто не относится как к «государственным», чужим. Здесь каждый умет считать свои деньги в бюджете города, штата, страны.

В городах и поселках в середине дня я видел на перекрестках общественных регулировщиков: одетые в яркие форменные куртки, вооруженные специальными знаками, они обеспечивали безопасный проход детей из школ к своим домам. За это муниципалитет им приплачивал.

Во многих местах люди сами чистят от снега и мусора тротуары возле своих домов, часть улицы, выезды к магистралям. Кто-то покупает для этого средства малой механизации: маленькие тракторы, уборочные машины. За уборку улиц муниципалитет платит деньги. (Кто-то скажет: я бы тоже мог. А я спрошу: даже за деньги ты вышел бы затемно, в слякоть и снег почистись тротуар? То-то и оно). Потом люди сообщают в муниципальную службу, сколько они потратили денег, бензина, и им компенсируют. Все они – домовладельцы, и, следовательно, люди со средствами. Чистить улицу все равно надо, но собственных затрат никаких. Однако люди есть люди: некоторые ничего не делают, пока им не заплатят. И часто улицы убираются не вовремя. А в Арлингтоне, пригороде Вашингтона, муниципалитет просто перечисляет на счета граждан некую сумму, в зачет которой те производят уборку. И в Арлингтоне – самые чистые улицы и тротуары. Как видим, в разных городах по-разному, как решило местное самоуправление. И это нормально. Никакого единообразия. Если им так удобнее – пусть. Ведь жизнь вся состоит из таких малых дел.

Общественная активность населения - это тот фундамент, на котором вырастает здание государственного управления.

Механизмы власти

Сегодня мы весь день провели в Законодательном собрании штата Висконсин. Белоснежный купол Капитолия, высвеченный прожекторами, отсюда, с девятого этажа гостиницы «Best Inn in the park», с высоты птичьего полета, особенно впечатляет. А в конце коридора раздается приглушенный гул голосов. Там опять очередная пирушка. Дело в том, что эти две недели – сессия обеих палат, Ассамблеи и Сената. Сегодня мы знакомились с их работой. А вечером я увидел некоторых народных избранников на нашем этаже, в холле ресторана. Пирушка – это, конечно, громко сказано. За столиками, уставленными пивом, пепси-колой, бутербродами сидят и беседуют люди. Сегодня встречу устраивает ассоциация фермеров. Вчера были представители торгового бизнеса, позавчера – благотворительные организации. Каждый вечер снимается зал ресторана, и в неформальной обстановке граждане общаются со своими депутатами. С теми, кого избирали совсем недавно. Это и есть тот важнейший процесс лоббирования законов и решений, которые необходимы тем или иным слоям населения Висконсина. Вчера, например, я встретил в холле отеля губернатора штата. Канцелярии депутатов, сенаторов регулярно получают кучу писем с просьбами, требованиями, напоминаниями. Население грамотное и настырное, хорошо знает свои права. В случае чего, все припомнит своим избранникам на очередных выборах. Те это тоже понимают: ни одно обращение не остается без ответа, и по существу. Позиции наиболее массовых и авторитетных общественных организаций ясно дают знать депутатам, куда клонится вектор общественных настроений, какие законопроекты надо инициировать.

Республиканская партия имеет подавляющее большинство в обеих палатах местного Законодательного собрания – Ассамблее и Сенате. А губернатор штата Висконсин Джеймс Дойл – демократ. Такая ситуация возможна потому, что депутатов и сенаторов избирают по округам, а губернатора – все население штата. В этом и состоит предмет острой политической дискуссии между двумя основными политическими силами США – Республиканской и Демократической партиями. Для меня эти силы персонифицировались в лицах сенатора-республиканца Гленна Гротмана, высокого, громогласного пожилого мужчины, и члена ассамблеи, демократа Джозефа Париси, интеллигентного джентльмена средних лет. Тот, кто имеет возможность «нарезать» избирательные округа (правящая в настоящий момент партия), тот, в сущности, оказывает решающее воздействие на исход выборов, доказывал мне Париси. Такая практика вызывает острую критику демократов, утверждающих, что республиканцы используют «нарезку» округов для своего закрепления у власти. Гленн Гротман, защищая позицию своей партии, утверждал, что при голосовании «всего» населения возможны и действительно случаются массовые

подтасовки, приписки «мертвых душ» в бюллетенях, в сущности, фальсификация выборов. В день президентских выборов в один и тот же день по всей Америке выбирают также губернаторов, судей, шерифов, других государственных и муниципальных чиновников. Факты фальсификации списков были выявлены в городе Милуоки, крупном промышленном центре штата Висконсин, в ноябре 2004 года. По мнению Гротмана, во всем, конечно, виноваты демократы, либералы. Сейчас идет федеральное расследование того, что в действительности произошло в Милуоки.

Так или иначе, но в Законодательном собрании штата идет постоянное противоборство. Однако оно не может не заканчиваться компромиссами, политическими сделками: у губернатора-демократа есть право «вето», которым он может заблокировать любой законопроект, принятый республиканским большинством. Чтобы это вето преодолеть, необходимы две трети голосов и в Ассамблее, и в Сенате. Это совсем непросто. Несмотря на большинство республиканцев, в обеих палатах парламента штата немало и демократов. Вся работа идет во фракциях, где ведется основная кулуарная работа, приводящая в итоге к консенсусу.

Вообще, демократические общества – это сложные общества. Сложно устроенные, потому что везде надо выстраивать баланс сдержек и противовесов. Чтобы никому, никому не дать явного преимущества на общественном поле. Можно сказать, демократические общества устроены по принципам живой природы, экологических систем. Люди не могут быть равны в своих возможностях, но все должны быть равны в правах. Все борются за место под Солнцем. Но делают это по законам, единым для всех. Поразительно, но этот, казалось бы, отвлеченный, философский принцип и породил взрывчатую энергию созидания, которой отличается Америка.

Главное же состоит в том, что и та, и другая партии, любые другие политические силы находятся под плотным прессингом общественного воздействия. Американская политическая жизнь подарила миру удивительный инструмент законотворческой деятельности: институт лоббистов. К их числу можно отнести не только общественность, которая приглашает своих депутатов «на чашку чая», но и профессионалов, основной деятельностью которых (за деньги, разумеется) является «проталкивание» законов, нужных в данный момент тем или иным слоям общества. Таких лоббистов я встречал в коридорах Капитолия штата Висконсин. Та же практика широко применяется и в общенациональных законодательных органах. Говорят, все повелось со времен генерала Гранта, 18-го президента США. Он в перерывах между заседаниями любил перейти через дорогу и выкурить сигару, выпить чашечку кофе в фойе («lobby») отеля напротив. Там он был доступен для неформального, доверительного разговора, для «проталкивания», «лоббирования» интересов той или иной политической силы.

Лоббистов нанимают профессиональные и другие группы населения. После определенного уровня доходов лоббисты обязаны регистрироваться в

Конгрессе, законодательных собраниях штатов. Во избежание случаев коррупции, подкупа все их расходы тщательно отслеживаются. Да и политики не позволяют себе односторонних отношений с какой-то одной группой лоббистов. Они «обедают» со всеми заинтересованными лицами.

Ежегодно в Конгрессе США обсуждается около 5 тыс. законопроектов, примерно 350 из них приобретают силу закона. Инициатива принятия того или иного проекта может исходить от любого гражданина США. Но официально внести предложение о его принятии может только член Конгресса. Проект закона можно внести и в Палату Представителей, и в Сенат. Затем он проходит согласования в профильных комитетах, на открытых слушаниях, куда приглашаются все заинтересованные лица и организации, пресса. В среднем каждый проект получает около ста поправок. Многие из них вызваны попытками подкормить за счет федерального бюджета свои округа. Такие поправки на политическом сленге называются «свиньями» («pork»). Но не нужно забывать, что попытки потянуть на себя общественное одеяло наталкиваются на противодействие не менее мощных лоббистских структур. После обсуждения в нижней и верхней палатах парламента уточненный вариант законопроекта проходит процедуру голосования. Закон вступает в силу, когда его подписывает президент США.

Принцип законодательной охраны прав личности не знает деления на малое и большое. Сижу перед телевизором и удивляюсь парадоксам американской жизни. По одному из общенациональных каналов идет сюжет о том, что «стринги» (трусики такие, ну вы знаете, о чем я) вылезающие из джинсиков и из-под маечек, оскорбляют нравственность и эстетическое чувство некоторых благопристойных прохожих. Важный джентльмен в черном пальто и при галстуке (конгрессмен), выступает против такого безобразия. Репортеры, ехидничая, снимают рабочих на стройке, у которых в напряженные моменты их производственной деятельности тоже вылезают из-под штанов семейные трусы в цветочки. Это что, тоже безобразие? Но вопрос возник, его обсуждают, его нужно как-то решать, граждане волнуются. И довели-таки законопроект до голосования. Нижняя палата Конгресса высказалась за запрет «стрингов», но Сенат не пропустил, все осталось по-старому. Странно, обычно верхнюю палату считают оплотом консерватизма. Но если бы приняли, можно быть уверенным: полицейские штрафовали бы за «непотребство». Буде оно было бы замечено.

Власть в Америке – это только верхушка айсберга. Самое главное происходит в толще повседневной американской жизни. Эта, подводная часть айсберга, дрейфует по своему собственному пути, и верхушка вместе с ней. Власть эффективна настолько, насколько верно она угадывает глубинное течение американской жизни. Когда социологи опрашивают американцев о моральных ценностях в политике, они неизменно получают на первых местах честность, веру в Бога, защиту традиционных семейных ценностей, следование библейским заповедям, откровенность, следование этическим нормам. Для

политика любого ранга в Америке нет ничего более опасного, чем нарушить данное обещание, проявить моральную несостоятельность. Каждый из них находится под пристальным контролем общественности.

Власть и общество – всегда оппоненты. Америка в этом смысле – не исключение. Поразительно, что власть, находящаяся все время в упругом взаимодействии с гражданским обществом… сама же и взращивает его. Точнее, она вынуждена с ним сосуществовать в рамках законов, единых для всех. Все то, о чем мы слышим – факты коррупции, злоупотреблений, наступлений на гражданские права и свободы потому и известны, что являются отклонением от нормы, вопиющим нарушением стандартов американского образа жизни. И общество воюет с этим: публикуются репортажи, начинаются парламентские расследования, подаются судебные иски. Это нормально. Гораздо страшнее вседозволенность верхов при невозможности для обычного человека отстоять свои права. Больше всего меня умиляет, когда «публицисты» с Белорусского телевидения развенчивают американскую «демократию», пользуясь фактами, почерпнутыми из американской же прессы.

Им и невдомек, что наличие государственной прессы – это нонсенс для демократического общества. Свобода слова и свобода прессы – это осознанная необходимость американской жизни.

Свобода слова как осознанная необходимость

На второй неделе моего пребывания в Медисоне в город приехал, чтобы выступить в университете штата Висконсин, скандально известный Ворд Черчилль, профессор из Колорадо. Скандальность выступлений этого профессора заключается в том, что во всеуслышание он заявляет примерно следующее: «Атака на небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 года – это глубоко закономерное явление. Америка, уже которое десятилетие пьющая кровь из всего мира, наживающаяся на эксплуатации целых народов… получила свое. Всемирный торговый центр – это средоточие мирового зла, вот он и стал объектом возмездия».

Заявлять такое в Соединенных Штатах! Но дело в том, что профессор Черчилль не нарушает никаких законов. Наоборот, он реализует важнейшее конституционного право любого американского гражданина – право на высказывание своего мнения, свободу слова. Это право гарантируется Первой поправкой к Конституции Соединенных Штатов. После того, как профессору стали угрожать, его взяла под охрану полиция. Выступления Черчилля всегда сопровождаются волнениями, но он продолжает свое дело. Вечером того же дня сюжеты о выступлении профессора Черчилля в Медисоне прошли в выпусках новостей общенациональных телевизионных каналов.

Первая поправка защищает права всех граждан США в предоставлении им

свободы слова, прессы, собраний, вероисповедания и петиций. Для журналистов она является законодательной базой их профессиональной деятельности.

Государственной журналистики в США просто нет и быть не может (если не считать радиостанцию «Голос Америки», которая не имеет права вещать на территорию страны). Журналистика здесь – такой же бизнес, как и все остальное. Специфичен только товар, которым торгуют печатные издания, телекомпании, радиокорпорации. Этот товар – информация.

«Отче наш» американской (да и мировой) журналистики - отделение фактов от комментариев, информационных сообщений о том, что произошло, от мнений по этому поводу. Во всех редакциях, где нам удалось побывать - начиная от «Нью–Йорк таймс», «Вашингтон пост» и кончая студенческой газетой в колледже Медисона, этому правилу следуют неукоснительно. Новости и комментарии делают совершенно разные отделы, и между ними нет никаких контактов. «Это, конечно, не значит, что мы не здороваемся в лифте, - говорит Этан Броннер, заместитель редактора отдела международных новостей «Нью-Йорк таймс». – Но по работе мы никак не контактируем». Наибольший объем на газетных страницах отводится именно новостям. Редакционные полосы, комментарии занимают совсем скромное место. В «Нью-Йорк таймс», например, добычей и публикацией информационных сообщений занимаются 1100 журналистов, редакционные полосы готовят только 25. Этому есть объяснение: читатель платит за информацию. Чем она качественнее (точнее, объективнее, надежнее), тем больше тиражи газет, что имеет ключевое значение для рекламодателя. Реклама – это живая кровь газетного бизнеса. Ежедневный тираж «Нью-Йорк таймс» - 1,1 миллиона экземпляров, в воскресенье – до двух миллионов. Доходы от тиража составляют половину бюджета газеты, остальное приносит реклама.

Интересы журналистики как бизнеса часто не совпадают с интересами власти, и это обыденное явление в США. Свобода частного предпринимательства и свобода слова, гарантированные законами, создают надежные возможности для исполнения журналистикой своего главного предназначения: информировать население, служить форумом для обсуждения актуальных проблем, волнующих нацию. Насколько свободен журналист в своих отношениях с хозяевами средств массовой информации, с представителями власти? Об этом шел наш разговор в редакции крупной коммерческой телекомпании ТВ-3, которая действует на территории штата Висконсин. Нейл Хейнен хорошо известен в Медисоне своими резкими комментариями по важнейшим внутриполитическим вопросам. Он не скрывает, что выражает мнение владельцев телекомпании, которое совпадает с его собственным. Но он не согласен со многим из того, что характеризует политическую жизнь своего региона и страны в целом. Например, он весьма пристально следит за деятельностью правительства штата и подмечает малейшие промахи и просчеты, упрекает местных законодателей за

то, что в повседневной деятельности их больше волнует предстоящее переизбрание, чем заботы избирателя. В общенациональном масштабе он резко осуждает практику «нарезки» избирательных округов (об этом рассказывалось в очерке «Механизмы власти»). По его мнению, в этих условиях партия власти окапывается так, что не оставляет шансов своим оппонентам. Все эти и другие темы он поднимает в своих комментариях, с которыми выходит к зрителям каждое утро. Выступления Нейла Хейнена очень популярны в Медисоне и штате Висконсин. Можно сказать, это еще одно средство влияния общественного мнения на власти.

Общенациональные телеканалы столь же свободны в формировании своей программной политики. Главное для них – информационный повод, факты, представляющие интерес для большинства населения. Они руководствуются только этими соображениями. В конце апреля все пять общенациональных телеканалов Америки транслировали пресс-конференцию президента Буша, посвященную важнейшим вопросам внутри- и внешнеполитического положения США. Три из этих каналов – NBC, SBS и CNN – прекратили трансляцию пресс-конференциии, не дожидаясь ее окончания: у них были свои обязательства перед зрителями и рекламодателями. Здесь это никого не удивляет, это нормально. Президент Буш, чувствуя ситуацию, сам сказал незадолго до завершения общения с прессой: «Давайте закругляться, у вас есть еще и другие программы».

Для того чтобы информировать читателя наиболее полно, снабжать его достоверными сведениями, журналист пользуется правом на доступ к информации и правом хранить тайну о своих источниках.

Однажды начальник полиции отказал газете «Wisconsin State Journal» в предоставлении необходимых документов. Немедленно был вчинен иск, и газете выплатили тридцать тысяч долларов из бюджета города, так как полицейский консультировался с юристом муниципалитета. Как ни странно, начальник полиции выводов не сделал. Когда поступил повторный запрос, он снова отказал. И пострадал на ту же сумму. После того у него выработался, наверно, условный рефлекс: с прессой связываться опасно. Эту историю рассказал мне Клиффорд Бенке, ответственный редактор «Wisconsin State Journal». Она запомнилась ему потому, что начальник не понял с первого раза. Для нас же она удивительна тем, что пострадал полицейский начальник, а не газета. Я уже рассказывал прежде, что в свободном доступе лежат ежедневные сводки полицейского управления, судебные иски, протоколы обысков, решения муниципалитета, - в общем, любая информация, которая затрагивает интересы граждан. Материалы судебных дел предоставляются по первому требованию любому физическому лицу. Это предусмотрено законом, и всякая попытка нарушить его влечет за собой ответственность. Важно подчеркнуть, что закон защищает права не только и не столько журналистов, а всех граждан. Журналисты используют это право в своих профессиональных интересах.

Городской репортер газеты «Wisconsin State Journal» Дэн Мосимен рассказывал мне, что имеет достаточно своих источников, чтобы знать, например: мэр отправил весьма интересный e-mail одному из руководителей государственного предприятия. И Дэн имеет полное право потребовать, чтобы содержание этого послания было ему сообщено.

По американским законам, рассказывал нам Кевин Голдберг, сотрудник адвокатской конторы «Кон и Маркс» в Вашингтоне, вы можете говорить о любом человеке все, что думаете: это ваше право, вас не могут привлечь за это к ответственности. Вы реализуете свое право на свободу слова. Но если вы (даже не в печати, а просто при свидетелях) излагали какие-то факты, способные нанести ущерб репутации других лиц или организаций, вам придется доказывать достоверность этих фактов в суде. Победителем выходит тот, кто докажет факты. Основная обязанность журналиста – раскопать их и вынести на публичное обозрение. Для этого, как мы видели, общество предоставляет ему возможности. Но журналист должен проверять и перепроверять факты. Потому что если будут иски обиженных и сведения не подтвердятся, то он пострадает и лишится работы. К тому же закон охраняет личную жизнь граждан от бесцеремонного вторжения прессы. В ряде штатов существует уголовная ответственность за клевету, хотя случаи подобного рода чрезвычайно редки. В 1964 году решением Верховного Суда Соединенных Штатов предусмотрено применение Первой поправки ко всем делам, относящимся к печати, и это существенно облегчило деятельность прессы. Для фигур, представляющих общественный интерес, сфера личной жизни резко сужается. Чем выше положение того, кто пострадал от действий журналиста, тем больше препон ему придется преодолеть, чтобы привлечь прессу к ответственности. Если высокое лицо выступает истцом, ему самому придется доказывать ложность информации. Если с иском на газету выступает рядовой гражданин, газета доказывает истинность фактов, изложенных на ее страницах. В прецедентном американском праве такая практика основывается на представлении о значимости информации, которая может иметь значение для избирателей. Она исключается из сферы частной жизни политика. Это соотносится с требованием обязательного декларирования ими своих доходов. Поэтому политики, высокие государственные чиновники более беззащитны перед прессой, чем рядовые граждане.

У журналиста также есть право не выдавать свои источники информации, как бы этого ни хотелось кому-нибудь. Ни полиции, ни следствию, ни прокуратуре, ни спецслужбам – никому. Наиболее острый случай подобного рода – «Дело о записках Пентагона». В 1971 году Верховный суд отстоял газету «Нью-Йорк таймс», опубликовавшую секретные материалы о действительных причинах и поводах, вызвавших войну во Вьетнаме. Сейчас федеральные суды штатов руководствуются решением Верховного суда США, предусматривающим выдачу журналистом своих источников по решению суда, где слушается дело.

Но местные законодатели в ряде регионов не поддержали это решение. И сейчас вопрос в том, где слушается дело: в федеральном суде или суде штата. В федеральном суде любого штата журналист обязан выдать свой источник, а в тридцати Верховных судах штатов из пятидесяти он может этого не делать. Впрочем, сейчас лоббируется федеральный закон о защите источников. По этому закону журналист, ссылаясь на свое обещание (даже устное, оно рассматривается как контракт), имеет право отказаться от выдачи своих источников в суде любой юрисдикции.

Казалось бы, полная благодать. Но всякое мнение об Америке ошибочно, как обронил один известный писатель. В последнее время пишущее сообщество обеспокоено усилением прессинга властей на права журналистов. Об этом мне говорили издатели и главные редакторы, репортеры и юристы, ведущие дела прессы в судах. Все труднее пробиться к серьезным источникам информации: чиновники выстраивают массу препятствий на этом пути, все чаще предпочитают не оформлять свои решения в письменном виде. За последние годы большое количество информации исчезло с правительственных сайтов. Учащаются иски должностных лиц против редакций, чего раньше не было.

В ответ на это редакции газет закупают страховки для всех своих сотрудников на случай исков против них. На сленге это называется «медицинская страховка прессы». Кроме того, журналистская общественность объединяется для защиты своих прав. В штате Висконсин, например, действует Совет по свободе информации, куда входят двадцать восемь изданий. Совет борется против «эрозии» законодательства в отношении прессы, лоббирует принятие новых законов как в штате, так и на федеральном уровне.

Недооценивать проблему, конечно, нельзя. Но в американском обществе достаточно противоядий против опасности уничтожения свободы слова и прессы. Эти свободы как вполне осознанная необходимость встроены в государственное устройство Соединенных Штатов. Полезно вспомнить, что говорил по этому поводу один из авторов американской Конституции, третий президент США Томас Джеффферсон: «Если бы мне пришлось выбирать между государственными органами без прессы и прессой без государственных органов, я выбрал бы второе».

Почем нравственность?

Меня всегда удивляло, как легко американцы находят общий язык между собой. Конечно, если это происходит не в суде. Но и там процедуры не сталкивают людей напрямую, уберегают от прямой конфронтации.

Такой вот парадокс: каждый здесь отвечает сам за себя, но все неуловимо чем-

то схожи, едины в отношении к жизни. Часто те, кто побывал в Соединенных Штатах, говорят и пишут о патриотизме американцев. На мой взгляд, это слово не полностью раскрывает их менталитет. Да, они любят свою родину, но не были бы американцами, если бы не внесли в это чувство долю прагматизма. Они любят не просто так, а за что-то. А иначе что это за любовь, если она безответная? Каждый из них скажет об этом по-своему, но неизменно упомянет свободу. Свободу выбора своей судьбы, слова, возможности защитить свои права, свой образ жизни. Они этим гордятся. На этом основывается их «морально-политическое единство». Помните еще такое выражение из старых советских газет? Правда, оно относилось к советскому народу. Чем закончилось это «единство», уже известно.

Основой морального единства американцев являются… деньги.

«В Норт-Сиднее я даже писал красками: написал две неплохие маленькие картины ради удовольствия ощущать кисть в руках, а для дочери хозяина гостиницы за полтора доллара расписал атласную диванную подушку – ради удовольствия получить полтора доллара. Два дня, одна ночь, пять приемов пищи – мой счет в гостинице составлял точно полтора доллара.

Как хорошо, что в нашем прекрасном мире, полном чудесных вещей…»

Так выразиться мог только американец. Рокуэлл Кент – великий художник двадцатого столетия, вспоминает маленький эпизод из своей жизни в мемуарах «Это я, Господи».

Вот это сочетание денежного расчета и нравственности поражало меня в Америке больше всего. Точнее, естественность такого сочетания. Никого не удивляет, что на долларовых банкнотах написано: «На Бога мы уповаем». Американцам удается немыслимое: мораль стала выгодной, они сделали ее рабочей идеей, приносящей доходы.

Как это ни странно, но предельная прагматичность американцев выносит нравственность на самый верх как самую высшую стоимость. На этом все стоит: бизнес, общественный уклад, общественное мнение.

Возьмем бизнес. Самая ценная категория здесь – не деньги, а… верность слову. Газета «Wisconsin State Journal», где я проходил стажировку, издается холдингом, которому принадлежит также местная газета «Capital Time». Первая газета находится под влиянием республиканцев, вторая – демократов. То есть, эти два издания – политические оппоненты. Холдинг - высокорентабельное предприятие. Вся прибыль от двух газет, издательской, полиграфической и рекламной деятельности делится среди учредителей. Такая схема действует более полувека. До того обе газеты были вечерними. Но «Wisconsin State Journal» перенесли на утро, и появилась возможность издавать воскресный выпуск. В 1949 году была достигнута устная (!) договоренность, что в воскресенье WSJ не будет давать редакционную полосу, в которой излагаются мнение редакции, так как той же возможности лишена «Capital Time». Лет через сорок новый редактор WSJ сказал, что все это глупости и стал

публиковать редакционную полосу в воскресенье. «Capital Time» потребовала того же и для себя: она ведь не хотела отдавать городскую аудиторию одностороннему влиянию республиканцев, пусть даже и на один день в неделю. Припомнилась устная договоренность 1949 года, нашлись свидетели этого разговора, и все обошлось без суда. С того времени в воскресный день на одном и том же развороте одна полоса «Wisconsin State Journal» представляет точку зрения республиканцев, а другая – демократов. Это всех устраивает.

Сострадание к ближнему американцы тоже понимают весьма практически. Я уже рассказывал о системе социальной помощи, состоящей из общефедеральных и региональных программ. Бюджет штата складывается из местных налогов, однако штатам предоставляются денежные средства и из федерального бюджета (без определённых предписаний, как их использовать). Именно в регионах население принимает ключевые решения по социальным программам, формирует соответствующее законодательство.

Здесь никто не отказывается помочь, но всегда уточняют: кто за это будет платить. Бесплатного ничего на свете нет. Именно поэтому социальная помощь здесь не зависит от настроения влиятельных дядюшек, а поставлена «на поток»: благотворительные фонды (пользующие налоговыми льготами), социальные службы муниципалитетов.

Сейчас по Белорусскому телевидению часто идут сюжеты так называемой «социальной рекламы». Например, о том, что в наших городах нет условий для нормальной жизни инвалидов. «Уберите высокие бордюры!...», - взывают компьютерные фигурки. Интересно, к кому они обращаются? Если бы на улице американского города инвалид-колясочник не имел возможности съехать с тротуара на мостовую и наоборот (везде устроены специальные понижения), если бы отсутствовали пандусы в зданиях офисов и театров, если бы водитель автобуса не включал специальное приспособление для подъема коляски в салон, если бы продавец специально не обслужил покупателя-инвалида и т.д. и т.п., то можно ручаться: все ответственные за это имели бы массу неприятностей. Засудили бы, заставили выплатить компенсации морального и физического вреда, принудили бы исправить положение. Требования учета нужд инвалидов включены во все строительные нормы и правила. Без их исполнения не продашь (не сдашь в аренду) ни одно здание и сооружение, не введешь в строй ни один квартал городской застройки: заказчик просто не примет. И все это делается с применением самой современной американской инженерии. Денег на это не жалеют. Это гораздо лучше стенаний о братской любви к ближнему. Наверное, это не совсем американская находка. У Чехова в записных книжках вдруг встречаю: «В электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса». Это явный камешек в огород Льва Толстого с его общинным, почвенническим взглядом на человека, отрицающим право на индивидуальную, личную судьбу.

Люди везде одинаковы, и в Америке находятся те, кто хотел бы урвать от

общественного пирога. Поживиться за счет другого или забрать себе побольше власти. Но всегда найдется кто-то, кто откроет рот, обратится в полицию, в суд, подаст жалобу, поднимет общественность (а ее и поднимать не надо, все готовы). А если вы утаили налоги, и об этом стало известно, то на вас «стукнут», и это не позорно, а, наоборот, встречает понимание: «он хотел украсть у нас».

Почти все время моего пребывания в Штатах с телеэкранов не сходило миловидное лицо Марты Стюарт. Известная в прошлом ведущая популярных «кулинарных» передач, она привлекла внимание прессы потому, что закончился… пятимесячный срок ее тюремного заключения, из которого она переместилась в свое поместье, под домашний арест. Ее вина перед законом заключалась в том, что, воспользовавшись внутренней, инсайдерской информацией, она вовремя «толкнула» на бирже акции компании, соучредительницей которой была. На следующий день курс акций резко пошел вниз, и тысячи людей, вложивших свои средства, оказались ни с чем. Такие дела сразу подпадают под юрисдикцию федеральных правоохранительных служб и судов: финансы – дело серьезное. От ответственности не спасает ничто: ни высокое положение, ни огромное личное состояние (у Марты Стюарт оно составляет сотни миллионов долларов).

Интересно, кто у нас ответил за «сгоревшие» вклады населения бывшего СССР?

Кстати, о телевидении. Давно подсчитано, сколько убийств, сколько сцен насилия с особой жестокостью, эротики, граничащей с вульгарной порнографией, вынуждены мы созерцать, находясь в своих семьях, рядом с детьми. Ничего подобного нет на американском телеэкране, даже в отелях, где транслируется до 70-80 кабельных каналов. Такого целомудренного ТВ я, пожалуй, еще не видел. Американское телевидение – сугубо коммерческое. Наверное, оно не прочь бы, гонясь рекламными доходами, показывать то, что устраивало бы нетребовательную публику. Но общество встало на защиту нравственности, особенно подрастающего поколения. Здесь хорошо понимают: «улицы разбитых фонарей» возникают сначала в мозгах, а потом и в реальности. Приняты законы, нарушение которых неизбежно влечет за собой колоссальные штрафы или даже потерю лицензии на вещание. По подсчетам специалистов, в новых американских телесериалах количество сексуальных сцен сократилось на треть по сравнению с "мыльными операми" 1998-1999 годов. Число сцен, в которых присутствуют акты насилия, уменьшилось на 17 процентов. Сериал "Крутой Уокер. Правосудие по-техасски» с Чаком Норрисом в главной роли содержал рекордное для того времени число актов насилия. Те, кто помнит «Уокера», сейчас бы просто улыбнулись. «Крутой» Уокер выглядит почти ребенком по сравнению с героями «Бригады» или какого-нибудь «Бумера». Разумеется, боевики в Америке снимать не перестали, но, как и эротическую «клубничку», их можно смотреть по зашифрованным каналам, на

кассетах и дисках, за отдельную плату. Под одеялом, в общем.

Главное – не нарушать права другого. Вот типичный пример. В городе Миннеаполис некоторые любят ходить в библиотеку не для того, чтобы читать умные книжки, а чтобы… «ходить» на порносайты в Интернете. Сотрудники библиотеки подали на них в суд, поскольку невольное созерцание этих сайтов они сочли видом сексуального насилия по отношению к себе. Местные органы власти постановили, что библиотекари сами виноваты, поскольку… не установили на компьютеры специальные фильтры, делающие порносайты недоступными.

В другом штате потратили около трех миллионов долларов на пропаганду сексуальной культуры среди подростков, внушения им, что добрачные половые связи ни к чему хорошему не приводят. Как известно, в Соединенных Штатах сейчас идет оживленная дискуссия о возможном запрещении абортов. Многим кажется непонятным сам факт возникновения такой дискуссии в столь высокоразвитой стране. Но если вы пробудете в США достаточно долгое время, вам это не покажется удивительным на фоне повседневного образа жизни американцев.

Конечно, это совсем не ханжеское общество. Существуют игорные дома, казино, секс-шопы. С «девочками» тоже есть где познакомиться, очевидно. Но для этого отводятся специально отведенные места под плотным присмотром полиции. Там желающие могут справить свою нужду, никому не мешая. Впрочем, даже не самые симпатичные человеческие страсти используются на благо общества. Например, во многих штатах эксклюзивное право вести игорный бизнес предоставлено… индейцам. Сверхприбыли, характерные для этого рода деятельности, идут на уплату налогов (это понятно), а также на развитие инфраструктуры индейских резерваций: строительство школ, больниц, открытие новых производств с целью создания дополнительных рабочих мест.

Здесь часто можно услышать фразу: «Свободы одного заканчиваются у кончика носа другого». Здесь не потому все хорошо, что везде полиция, а потому, что если она запоздает, большинство не останется безучастным. В Америке тоже полно инцидентов. О них ежедневно сообщает телевидение и пресса. Но все они получают оценку, вызывают сильнейшую реакцию в обществе. Спуску никому не дается, вот ведь в чем дело!

В Техасе какой-то подонок, придя к зданию суда по делу о разводе, внезапно открыл огонь, застрелил свою жену. Ближайший прохожий, выхватив свой револьвер, погнался за убийцей, который убил и его. Налетела полиция, с помощью граждан загнала преступника в угол. Тот застрелился. Случай, конечно, исключительный. Но ведь это Техас, скажут американцы. Там и смертная казнь до сих пор применяется. Значит, за это выступает общественность.

У нас найдется немало людей, которые сказали бы: «Нетрудно быть моральным, когда у тебя нет другого выхода, когда ты все время под

контролем». Да нет, свобода предпринимательства как раз заключается в наличии огромного количества возможностей. И всегда можно найти щелку в законе, чтобы объехать его, получить незаработанные деньги. Однако большинство живущих здесь людей сознательно не приемлют такую линию поведения, а для особо бойких существует страх перед неотвратимостью наказания.

Популярный российский сатирик, несущий с подмостков бредни о «тупости» американцев, по-моему, просто выполняет «социальный заказ». Да, американец не нарушит порядка, даже если за ним никто не наблюдает. Порядок давно уже в нем самом, внутри. Ему и в голову не придет проявить смекалку там, где это не положено. Это не ограниченность. Это самоограничение, сознательная уступка правам всех других людей, рядом с которыми ты живешь. А всякая российская «смекалка», замечу попутно, кончается, как правило, или конфузом, или преступлением. Или ее приходится применять там, где российские раздолбаи не выполнили свою обязанность, «тупо», по правилам, как положено.

Дерзость Америки

Как всегда, ровно в половине восьмого, за окном раздается мощный рев. Опять эта старушка отчаливает куда-то. Ей уже восемьдесят, наверно, однако каждое утро она садится за руль своего «Доджа». Он годится ей в сыновья, ему лет тридцать пять, не меньше. Крыша и крылья покрыты ровным слоем рыжей ржавчины. И заводить его надо, сразу дав полный газ. Но она ездит на нем, попробуйте отнять! Еще одна сценка. Очень пожилая супружеская пара направляется к своему автомобилю. Женщина сильно прихрамывает, опирается на палочку, а мужчина, как-то весь накренясь, бредет рядом. Как же он поведет? - подумалось мне. Но повела… она, отложив палочку. В другой раз я увидел на стоянке крупного универсама минивен, за рулем которого находился человек… явно не в себе. Я не доктор, но что-то вроде церебральных, мозговых нарушений, инвалид. Однако он включил какой-то механизм, и из салона минивена… выползла инвалидная коляска, опустилась на землю. Человек кое-как перебрался в нее и приобрел подвижность. Коляска повезла его в магазин, повинуясь малейшему движению даже не руки, а пальца.

После этого я уже ничему не удивлялся.

Американец не сдается никогда! И общество понимает и поддерживает его. Конечно, это относится не только к инвалидам.

Мне кажется, я достаточно уже рассказал всяких удивительных фактов из жизни американского общества. Но еще больше осталось невысказанного – миллионов деталей и подробностей тамошней жизни. Не передашь, не перескажешь, не увезешь… Может быть, мне будет позволено поделиться

общими впечатлениями, которые непонятным образом внушает американская действительность.

В Америке рождают культурный шок не технические чудеса, не Бродвей, не небоскребы, не Рокфеллеровский центр или статуя Свободы, а то, что растворено во всем этом. Отношение к жизни как к неоценимому дару, которым надо пользоваться в полной мере. И взаимоотношения многих людей, понимающих жизнь точно так же. Все – в тебе самом, ты только вытащи это оттуда. Это создало и создает Америку каждый день.

В трехстах метрах от Белого Дома, на H-street, в красивом парке стоит памятник Тадеушу Костюшке. Бронзовыми буквами написано, что он сыграл большую роль в битве при Саратоге, а также при возведении крепости в Вест-Пойнте. Наш земляк, здесь он значится как выходец из Польши.

Таких памятников по всему Вашингтону – сотни, если не тысячи. На каждой площади, в каждом сквере. Они стоят в каждой столице штата, в каждом крупном городе. Герои войны за Независимость, создатели американской государственности. Ирландцы, французы, поляки, немцы, шведы, норвежцы, итальянцы... Их можно назвать авантюристами, но что их несло сюда? И что влекло миллионы простых людей, плывших в Америку через океаны со всей Европы, со всего света все эти двести лет?

Неприятие опостылевшей жизни, навязанной тебе «сильными» мира сего. Стремление выковать свою судьбу собственными руками. Уезжали ведь самые решительные, отчаянные. Эта закваска первых иммигрантов, она до сих пор бродит. Она и создала многие уникальные черты американского образа жизни. Это непередаваемое ощущение переменчивости все время сопровождает тебя на улицах американских городов.

Это неверно, когда говорят, что американская цивилизация создавалась «с чистого листа». В общественном устройстве США можно проследить следы всех социальных идей, когда-либо волновавших человечество. От Платона и Аристотеля до Гегеля и Монтескье, от Томаса Гоббса и Джона Локка до Огюста Конта, от Карла Маркса до Бертрана Рассела. Эти идеи не осели книжной пылью в тиши библиотек, а стали рабочими проектами социального переустройства. Но самой рабочей идеей стал позитивизм – умение приспосабливать сами идеи. Отсекать их «нерабочие», неконструктивные части и применять то ценное, практическое, что в них содержалось. Личная инициатива, «невидимая рука» выгоды, по Адаму Смиту, уравновешивалась социальной ответственностью, идее государства Платона и Аристотеля противопоставлялась идея прав человека, без которой не может стоять ни одно сильное государство. Человек – средство, но он и цель. И это, второе, - важнее. Права человека – да, но до тех пор, пока деятельность активных людей не нарушает прав большинства. Здесь нужно сильное, справедливое государство. Но если сила государства превышает какой-то предел, ему надо противопоставлять сильное общество. Иначе государство сожрет всех, будет питаться своими согражданами, как страшное чудовище Левиафан. И все это в

движении, в противоборстве, где никому не суждена окончательная победа.

Постоянный баланс, постоянное колебание невидимых весов. Жизнь, устроенная по принципу живой природы – естественного отбора идей, учреждений, установлений.

Находясь в Штатах, нередко слышишь фразу: «так говорили отцы-основатели». Имеются в виду авторы Американской Конституции, первые президенты США - те, кто закладывал основы американской государственности. Произносится это без иронии или лишней патетики. Так они заложили, так оно действует до сих пор. Конечно, никто не вспоминает мыслителей прошлого в сотнях, тысячах практических ситуаций – в судах, в парламентах, в бизнесе, в общественной жизни. Но по-прежнему идеи здесь – горючая смесь в цилиндрах миллионов двигателей общественной жизни. Это – сфера разума, где мысли, идеи, представления являются сырьем.

Это ощущение очень стойкое, оно все время подпитывается новыми впечатлениями. Все вершины возникают сначала внутри человека, и он идет с этим к другим людям. И от этого возникают новые законы и «шаттлы», мюзиклы и новые технологии управления, общественные движения и устройство для определения «крутости» яйца в кипятке, инвалидные коляски, не способные только летать, и вакцина против СПИДа. За каждым таким явлением стоит явно угадываемая моральная идея: забота о тех, кому плохо и кто до сих пор не поверил в свои возможности. Такой источник саморазвития будет помощнее любого ядерного реактора. И горючее для всего этого – деньги, стремление заработать.

Поразительно.

Америка представляется мне активной, деятельной человеческой стаей, которая умело растит своих детенышей, поддерживает слабых и раненых, оплакивает умерших и погибших, наказывает злодеев. И все время куда-то карабкается.

Очень многие, кто отлучался из Штатов на несколько лет, говорят, что страну трудно узнавать: так быстро она меняется. Меняются городские и сельские ландшафты, меняются отношения между людьми. Постоянны только перемены.

В Америке на каждом шагу чувствуешь некую полетность здешней жизни. Даже и сказать нельзя, в чем она выражается. Она труднообъяснима, но она есть. Может быть, это черта любой большой страны, многомиллионного народа. Эту полетность чувствуешь и в России, но она совсем иного свойства: непредсказуемая и какая-то жутковатая. Здесь же за всем угадывается размеренное, ровное и мощное движение.

Здесь не засидишься на каких-то прочных стереотипах. Стереотипы живут недолго. Здесь только один стереотип, но навсегда – общечеловеческой морали. Некоторые люди считают фундаментом этой общественной нравственности религиозность американцев, точнее, их протестантизм. Отношение к Богу как к гаранту справедливости волеизъявлений человека. Трудно сказать, насколько это всеобъемлющий принцип. Но то, что порядочность, верность слову,

сознательное подчинение закону, но и борьба со всем тем, что не устраивает (в том числе и несправедливыми законами) – все это есть в американском укладе жизни, растворено в миллионах житейских ситуаций.

Здесь нет питательной среды ни для каких идеологий, в которых стереотипы служат строительным материалом. Индусы и хасиды, расисты и коммунисты, троцкисты и лесбиянки, империалисты и либералы – все они исчезают в потоке людей, льющемся по улицам больших городов. Все равны в своих правах и необходимости много трудиться. Работа не как место проведения восьми часов в день, а действительная трата нервов, сил, энергии. Чтобы справиться, успеть, сделать.

Возле кассы крупного универмага я увидел пожилого индуса в чалме, с лицом мудреца, постигшего все тайны жизни. Но, несмотря на почтенный возраст, он работал не менее шустро, чем молоденькие девчонки по соседству: рассчитывал, упаковывал, благодарил за покупку, улыбался покупателю. При этом с его лица не исчезало выражение глубокого внутреннего равновесия. В его облике угадывался более глубокое отношение к жизни, однако американская жизнь поставила его к этой кассе, и он работал. Все остальное, все пристрастия - в свободное время.

Вот уикенд, это, пожалуй, религия.

В Штатах мне часто припоминалась песенка из популярного фильма: «Если у вас нету тети, то вам ее не потерять…». И жена не уйдет к другому, если у вас нет жены. Кому-то снится, что он отправляется на белом пароходе в неведомые страны, танцует танго с Софи Лорен (Памелой Андерсон, Наоми Кемпбелл, продолжите сами), играет на гитаре (аккордеоне, саксофоне), прыгает с парашютом, сколотил состояние. Это его тайные комплексы вырываются наружу. Но эти несбыточные мечты большинства из нас так и остаются в снах. Американцы давно уплыли в неведомые страны, парят на дельтапланах и живут с теми женщинами (и мужчинами), с которыми им действительно хочется жить.

В Америке немало проблем, но все они вырастают из американского образа жизни – динамичного, рвущегося в будущее, к какой-то далекой цели. Это проблемы смены вех и поиска других путей. Это вечный спор с судьбой, которой ты все-таки бросил вызов. Образ жизни американцев я бы назвал дерзким.

Наши проблемы – это проблемы жизни, так и не начавшейся. И то, что у нас так же, как «у них», катятся автомашины по улицам, а в небе летают самолеты – это простое совпадение. Жизни совсем разные.

Америка далеко не потому, что она за океаном, на другом конце света. Она еще дальше. В общем, ее и не существует вовсе. Несмотря на всю эту информационную круговерть вокруг нас, ничего мы не знаем, что происходит в этой Америке (да и в других странах). Не знаем мы и того, что у нас происходит на самом деле. И не хотим знать. Потому что это беспокоит. Мешает жить. Помещает внутри тебя какую-то острую иглу.

А кому нужна лишняя заноза?

Ферма, юная как зоря…

P.S. к «Заметкам об американском образе жизни»

Признаться, я не предполагал, что серию очерков об Америке придется завершать послесловием. Материалы, написанные под впечатлением стажировки в США по программе Международного центра для журналистов, газета «Народная воля» печатала в течение месяца.

Проект такого газетного сериала в некотором роде уникален. Он стал возможен благодаря смелому замыслу издателя «Народной воли» Иосифа Середича, предложившего эту идею.

И она оправдала себя. Как сообщили мне в секретариате редакции, было много звонков, люди благодарили за предоставленную возможность узнать больше об американской жизни такой как она есть. Были и письма. Например, пенсионер Сергей Иванович Петренко из Витебска прочитал первые опубликованные материалы и выразил надежду, что их будет достаточно, «чтобы не лишать удовольствия читателей». По электронной почте пришло письмо от Василия Бурьянова, в котором он пишет: «Хотел бы просить передать автору, что его работа – это глоток чистого воздуха в душной атмосфере антиамериканизма, которым заражены Беларусь и в еще большей степени – Россия. Как минимум лет десять, если не больше, мне не встречался настолько объективный взгляд. Поездив по США и посмотрев жизнь в больших и маленьких городах, я вряд ли открою в «Четвертом измерении» что-то новое для себя. Меня радует другое: я в своем отношении к Америке не так одинок, как мне это казалось еще недавно».

Хотелось бы выразить признательность всем, кто написал в газету. США – слишком сложная и противоречивая страна для того, чтобы изучить ее за столь короткий срок. Но принципом для меня было: рассказать только о том, что видел и слышал лично, чему был свидетелем. И за это я отвечаю полностью. Читатели приняли этот принцип, мы с ними оказались единомышленниками.

Но оказалось, что честная журналистика может быть опасной для тех, кто не имеет понятия об этике нашей профессии. Василий Бурьянов оказался провидцем: официальные СМИ не упускают повода, чтобы прививать людям бациллы ненависти.

В телевизионном выпуске «Постскриптум» предельно государственного Белорусского телевидения широко и печально известный блондин с петушиным коком на голове почтил своим вниманием серию очерков об Америке под общей рубрикой «Четвертое измерение». Из этой передачи я с интересом узнал, что «заказчиком» таких статей выступает не кто иной, как… министр обороны США Дональд Рамсфельд, а сам факт стажировки в США есть чуть ли не преступление против собственного народа. При этом, как

всегда, не приводилось ни одного факта, ни одной цитаты из моих публикаций, ни одного возражения по существу. Процитирован был только эпиграф, который и дал название всему циклу: «И понимаешь, что совсем не из Америки ты вернулся, а из какого-то четвертого измерения, которое живет в каждом из нас и никак не может стать реальностью».

Но я действительно так думаю, нравится это кому-то или нет.

Признаться, я был даже… обрадован такой реакцией. «От противного» она означала, что мы попали в «точку». Если забеспокоились те, кто желает видеть белорусов слепыми и глухими, значит, газета и ее автор выполнили свою задачу.

В национальном музее американской истории в Вашингтоне я видел саблю времен Гражданской войны между Севером и Югом 1861-1865 годов. Это оружие побывало в «деле». Глубокие зазубрины были столь часты, что местами стальное лезвие напоминало пилу. Схватка была не на жизнь, а на смерть.

В той братоубийственной войне погибли с обеих сторон более шестисот тысяч американцев. Как известно, причиной войны стала борьба северных штатов за отмену рабства и столь же рьяная его защита южанами. Это был глубочайший раскол молодой американской нации, после которого она еще долго не могла оправиться. Понадобились титанические усилия для того, чтобы семена вражды и ненависти, посеянные в ходе Гражданской войны, не давали новых всходов. Чтобы нация окрепла в своем единстве, в общем стремлении к свободе и справедливости.

Далекую страну за океаном не надо идеализировать: там тоже существуют острые социальные противоречия, и я об этом много писал. Однако сейчас они разрешаются цивилизованным образом. Извечная борьба за социальные и политические права там давно переместилась в правовое поле.

У нас же по-прежнему машут зазубренными саблями. У нас давно всех поделили на «своих» и «чужих» и продолжают раскачивать лодку, в которой находимся мы все. Обстановка военного лагеря и чрезвычайщины всегда исправно служила тоталитарным режимам. Им всегда нужны враги, на которых можно списать все беды.

Я не очень верю в то, что мышление молодых людей, маячащих сейчас на телеэкранах, действительно застыло на уровне ледникового периода. Скорее, все они понимают. Особенно в те моменты, когда получают из неустановленных источников конверты с гонорарами, не значащимися ни в одной ведомости.

Они служат. Этим все сказано. Телевидение давно превратилось в одну из спецслужб авторитарного государства.

Служат мальчики, с киллеровской неподвижностью лица исполняющие заказы на уничтожение остатков веры у наших людей во что-нибудь светлое. Служит средних лет господин, объясняющий белорусам, как понимать произошедшее с нами за минувшую неделю. С тайным превосходством самца, мысленно

покрывающего безответную самочку, поигрывая лицом в ритме своих внутренних фрикций, он пребывает в уверенности, что ему внимают тупые и необразованные люди. Он снисходительно соглашается со Збигневом Бжезинским, который критикует президента Буша за войну в Ираке. «И это единственное, в чем я могу согласиться с господином Бжезинским», - ирония так и сочится с экрана. Он никогда не задаст себе вопроса, почему факты пороков американской политической системы он берет… из американской же прессы. Он этим не интересуется.

Одному такому же остроумцу, известному советскому писателю, как-то американский журналист задал вопрос: «Я могу выйти перед Белым Домом и громко крикнуть: «Президент – дурак!» И мне ничего за это не будет. А Вы можете сделать это?». «Конечно, - находчиво ответил советский писатель, - я тоже могу выйти на Красную площадь и громко крикнуть: «Американский президент – дурак!». И мне за это тоже ничего не будет». Было это давно, лет сорок назад. Но нашим остроумцам может пригодиться. Дарю.

Однако все это не так смешно. Потому что полуправда и ложь, подкрепленные тщательно отобранной телевизионной «картинкой» – страшная и темная сила. На следующий день после того как отшумел июльский праздник, ведущая «Их» новостей», миловидная женщина с добрыми глазами прочитала текст о том, что на площади столицы вышли сотни тысяч людей, и среди них был «их» президент. А вот оппозиция, подчеркнула она голосом, и двух десятков вывести не может. Эти слова подтверждались великолепными кадрами яркой, многоцветной толпы, заполнившей центральную площадь Минска. Что сказать, убедительно. Но ни слова мы не услышали о том, как по разнарядке организовывались эти «массовки», как перегораживался проспект и сколько было переодетых крепких мужчин среди «веселящихся» минчан. Впору тогда же отмечать и День милиции.

Через несколько дней на этой самой площади, почти рядом с тем местом, где танцевал президент, омоновец в форме ударил в лицо Светлану, жену оператора ОРТ Дмитрия Завадского. Это произошло во время пикета 7 июля, в день пятилетней годовщины со дня исчезновения нашего коллеги. Но камеры БТ там не было и в помине. Только по первому российскому каналу мы и могли это увидеть.

«Комментаторы» нашей жизни сидят «в кадре». Но за их спинами, невидимые, маячат совсем другие фигуры. Телевидение в их руках – эффективное средство, вроде нервно-паралитического газа, лишающего сознания и памяти.

Для тех же, на кого этот газ не действует, есть другие средства. Таким мозги вправляют по-другому. В прямом смысле. Например, пару омоновцев, переодетых под бритоголовую шпану, встречают у подъезда лидера политической партии или пожилого академика, бизнесмена или писателя,

правозащитника или студента. И меняют сознание человека настолько, что лечить его приходится в больничной палате месяц, а то и больше. Эффективны также массовые избиения манифестантов, протестующих против грубейших нарушений Конституции, доведение людей до многодневных голодовок, посадки политических оппонентов в следственные изоляторы и тюрьмы. Вкупе с программами Белорусского телевидения это решает проблему. Ей-богу, честнее было бы посадить в кадр людей в форме и погонах. Так было в Польше в начале 80-х, когда творческий коллектив Польского телевидения отказался сотрудничать с режимом, объявившим в стране военное положение.

От телевидения не отстает и радиовещание. Безмозглое щебетание FM-радиостанций является единственной альтернативой родному-проводному Белорусскому радио.

Когда охватывает меня тоска по безвозвратно (казалось бы!) ушедшему, включаю я его утречком и с наслаждением погружаюсь в репортажи о том, что снова сеют озимые или вывозят удобрения на поля, что надои зависят от кормов, а покрытие телок составляет восемьдесят процентов. И что на ферме скоро появится душ, какое счастье! И такое умиление охватывает, что не передать. И чтобы совсем воспрянуть, достаю я с далекой книжной полки томик стихов, выпущенный аккурат в то время, когда Никита Хрущев поставил задачу догнать и перегнать Америку. И с наслаждением читаю:

Догонять Америку – не шутка,
А у нас в колхозе – ой-ё-ёй!
Маленькая скотница Машутка
Согласится полностью со мной.

Каждый год, во время снеготала,
В наших фермах – горе да беда:
Подступает к стойлам, к сеновалам
Озорная полая вода.

Нету с ней ни сговору, ни сладу,
Хоть на лодке плавай меж клетей.
Мечется девчонка до упаду,
Хрюшек выгружая - малышей.

Но пропел веселый кочет марта,
Что же! Догонять – так догонять…
И пошли мы для такого старта
Место посерьезней подыскать…

Встали мы на лысом косогоре.
Что же! Догонять – так догонять!

Здесь и будет, юная, как зоря,
Ферма образцовая стоять.

Дед Степан воткнул в суглинок палку,
Зоотехник щурился на свет.
А Машутка красным полушалком
Жаворонку послала привет.

Догонять Америку – не шутка,
Ну, а все ж осилим перегон…
И поедет Машенька-Машутка
На трибуну в город Вашингтон.

(«Россия. Партия. Весна». Сборник стихов. Изд-во «Советская Россия».- Москва, 1961. стр.301).

Больше всего, в самое сердце, поражает меня неугасимый образ, созданный поэтом: «Ферма, юная как зоря». Это – бессмертное. Это – на все наши времена. До тех самых пор, пока они не кончатся.

Кажется, на этом можно поставить точку.

Вашингтон-Медисон-Нью-Йорк-Минск,
Март-май 2005 года.